

ОГОНЕК
28

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Недавно в «Правде» было опубликовано обращение работников Глуховского хлопчатобумажного комбината о создании при всех промышленных предприятиях страны подсобных молочно-овощных хозяйств. Призыв глуховцев нашел горячий отклик на предприятиях Союза. Глуховцы уже добились немалых успехов в расширении своей продовольственной базы. При комбинате организованы молочная ферма, свинооткормочный пункт, огород. Они снабжают рабочих и служащих комбината молоком, мясом, овощами. На снимке: директор совхоза тов. Низовский и агроном тов. Ефименко просматривают кочаны капусты, собранной на огороде Глуховского комбината.

Открылось грузо-пассажирское сообщение по линии Ленинград — Валаам — Сортавала (Карело-Финская ССР). Пароход «Володарский», совершая первый рейс по Ладожскому озеру, проходит шхеры у острова Валаам.

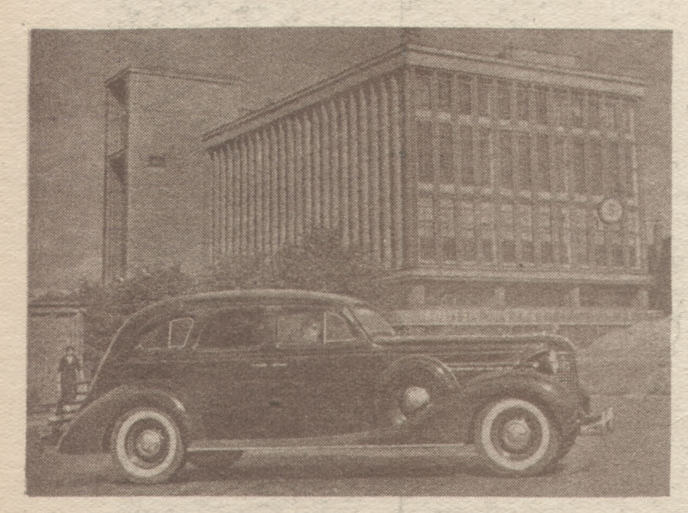
В Ленинграде подведены итоги конкурса проектов памятников, которые будут установлены в местах побед Красной Армии над белофиннами, а также на братских могилах бойцов-героев. На снимке: проект памятника работы скульптора Бабурина. Проекту присуждена первая премия.

Здание Совета народных комиссаров Латвийской ССР в Риге.

Трудящиеся освобожденных республик приобщаются к культуре и искусству. Расцветает народное творчество. На фабриках и заводах Литовской ССР создаются кружки художественной самодеятельности. На мясокомбинате города Каунаса организован хоровой кружок, который разучивает народные литовские и новые советские песни.

Коллектив Московского автозавода имени Сталина работает над улучшением автомашины «ЗИС-101». На заводе уже изготовлено несколько машин «ЗИС-101-А», в которые внесен ряд существенных изменений. Одна из машин показана на нашем снимке.

На московском стадионе «Динамо» состоялся футбольный матч между прибывшей в красную столицу командой болгарского клуба «Славия» и командой московского спортивного общества «Спартак». На нашем снимке запечатлен один из моментов этого интересного матча.

На обложке: сдача хлеба государству. Колхоз имени Крупской (Мозырский район, Полесская область) сдает зерно первого обмолота. Фото Б. Хенина (ТАСС). **На последней странице обложки:** Осенний день. Фотоэтюд В. Микоша.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 28

(715)

четверг, 10 октября 1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Группа призывников — стахановцев завода имени Сталина, овладевших до призыва в Красную Армию одной из военных специальностей, Первый ряд (слева направо): В. С. Игнатов, И. Л. Лазуткин, В. Н. Ряженов; второй ряд: А. Т. Поляков и В. Г. Евграфов.

Фото И. Гущина

Б. Изаков

ГОРОД НА ТЕМЗЕ

На кельтском наречии Лондон, или лин-дун, означало «крепость на болоте». Столица Англии была основана римскими завоевателями на болотистых берегах Темзы около 1900 лет назад. Юлий Цезарь вторгся в Англию со своими легионами еще до начала нашего летосчисления; он оставил свои гарнизоны на Темзе. Еще Тацит писал о Лондиниуме. Римляне строились прочно, и в городе до сих пор сохранились следы их владычества: не удивляйтесь, если во дворе унылого многоэтажного дома вы неожиданно увидите древнеримский бастион.

Исторические здания Лондона—парламент, Вестминстерское аббатство и другие—хорошо известны по бесчисленным репродукциям. В древнем Тоуэре вам мерещатся действующие лица шекспировской драмы «Генрих VI». В столетних тавернах, в проходных дворах, прилегающих к Флит-стрит, витает дух вечно пьяного гуляки сэра Джона Фальстафа.

Пасмурным утром в узких переулках старого Лондона вы невольно ждете, что из тумана вынырнет мистер Пиквик в сопровождении потешных членов своего клуба. В зимнее время, в туманные дни, нередко на центральных улицах города создаются такие «пробки», с которыми не могут справиться даже самые опытные полицейские. Пассажиры автобусов бывают тогда счастливее владельцев модных лимузинов: первые ощупью находят ближайшую станцию метро и добираются под землей к месту своего назначения, а владельцу лимузина, если с ним нет шофера, не остается ничего иного, как прикурнуть за рулем в ожидании, когда туман рассеется.

В такие дни весь город пропитан туманом: он проникает в конторы и квартиры; ваше пальто пропитано его едким запахом; котлета, которую вы едите, имеет «туманный» привкус. Туманы и копоть осели на город, покрыли черными мазками фасады домов и памятники. Даже в погожий, солнечный день весь город кажется от этого одноцветным, окрашенным в угрюмые, серые тона.

Тоскливо в Лондоне в осеннюю и зимнюю пору, когда улицы теряют свои очертания и безостановочно моросит мелкий дождь. Но сейчас лондонцы с нетерпением ожидают осенней поры, надеясь, что туманы защитят город на Темзе лучше чем любая система противовоздушной обороны...

В Лондоне вы найдете больше вопиющих противоречий чем в любом другом европейском городе. Здесь обитает невидимый спрут, высасывающий жизненные соки из 470-миллионного населения Британской империи и бесчисленных полуколониальных стран. Сюда стекаются богатства со всего земного шара. Зато и нищета выделяется здесь резче, выглядит уродливее чем в любом другом месте.

Районы Лондона очень мало похожи друг на друга. Если вы спуститесь в «подземку» где-нибудь в Степней или Попларе и выйдете на поверхность на Пикадилли, вам покажется, что вы попали в другой город. На рабочих окраинах, на замусоренных улицах фабричных кварталов, рядом с заводами-коробками, выстроились мрачные одноэтажные дома. Это знаменитые лондонские «слэмс» — «трущобы», о которых писали еще Маркс и Энгельс. С тех пор они ничуть не изменились. Ошибочно думать, что сырые и ветхие берлоги этих трущоб, именуемые квартирами, но лишенные самых элементарных удобств, достаются их обитателям по дешевке: напротив, за них приходится платить втридорога. Квартирная плата отнимает у лондонских рабочих пятую часть, а то и четверть заработка. За счет этих средств муниципальные власти рьяно занимаются благоустройством буржуазных кварталов.

На улицах пролетарских окраин выделяются лишь ярко освещенные здания дешовых кинематографов. То и дело встречаются лавки, где покупателям укладывают в акуратные пакетики жареную картошку. В витринах табачных лавок висят большие афиши-программы собачьих бегов. Возле них постоянно торчат «болельщики», взволнованно обсуждая, на какого пса надежнее поставить несколько пенсов. Надежда на случайный выигрыш, на неожиданное счастье, дразнит этих людей. С каким трепетом набрасываются они затем на экстренные выпуски вечерних газет, чтобы узнать результаты собачьих бегов—«собачьи результаты», как их именуют газеты!

В Лондоне запрещено нищенство. Но на каждом углу оборванный, посиневший от холода человек протягивает вам коробку спичек или пачку зубочисток. Он не нищенствует: он, видите ли, занимается коммерцией. Нужды нет, что прохожий, опускающий медную монетку в протянутую руку «коммерсанта», не берет взамен предлагаемый ему «товар». Но приличия соблюдены, и ханжество торжествует.

Безработный, который попросит полпенса на хлеб, будет задержан на месте преступления и присужден к тюремному заключению за «бродяжничество». Однако ему не возбраняется обходить дворы с испорченным дедовским граммофоном, петь на людной улице осипшим голосом несложную песенку, отчаянно фальшивить на скрипке или же малевать цветными мелками на асфальте тротуара сельские пейзажи. Во всех этих случаях он сможет беспрепятственно собирать медяки в положенную на землю кепку, а «Таймс» будет с пресерьезным видом цедить сквозь зубы сочувственные слова по адресу «уличных артистов».

Некоторые районы Лондона сплошь состоят из одинаковых двухэтажных домиков типа коттеджей. В таком домике могут быть две, три или даже четыре квартирки, но каждая из них обязательно имеет отдельную парадную дверь, выходящую прямо на улицу. Здесь обитает мелкая буржуазия: рантье, лавочники, клерки; изредка тут живут и представители рабочей аристократии. Мечта каждого истового английского мещанина—иметь совершенно изолированное жилье с собственным ходом на улицу, за зеленой дверью которого можно было бы укрыться от всех неприятностей большого города. «Мой дом—моя крепость»,—говорят в Англии. Каждый пробившийся «в люди» мелкий буржуа мечтает засесть в такую крепость.

Совершенно иначе чем безрадостные пролетарские окраины или навевающие зевоту мелкобуржуазные районы выглядит центр Лондона — кварталы, где живут богачи, где помещаются дворцы и правительственные здания, наконец, так называемая «деловая» часть города. Там вы увидите монументальные памятники и величественные здания, построенные зодчими из школы английского мастера Христофора Рена. Сам Христофор Рен руководил восстановительными работами после большого пожара, опустошившего город в 1666 году, и оставил в память о себе немало замечательных построек. Но предложенный им тогда общий план реконструкции Лондона был отвергнут городскими властями.

В центральной части Лондона много садов и несколько парков, но среди них пользуется заслуженной славой огромный Гайдпарк с его продолжением — тенистым, излюбленным детьми Кинсингтонским парком. В летние вечера сюда приходят парочки со всего города; густая трава усеяна тогда человеческими телами, расположившимися в самых разнообразных позах. Это опять-таки дань буржуазному ханжеству, препятствующему молодым людям встречаться дома до вступления в законный брак. То, че-

Темза в восточной части Лондона. На обоих берегах громадные склады. Это район «доков». Вдали — знаменитый Башенный мост. Река всегда была здесь запружена пароходами, баржами, буксирами... В этом месте берега Темзы подвергаются особенно ожесточенной атаке германских бомбардировщиков.

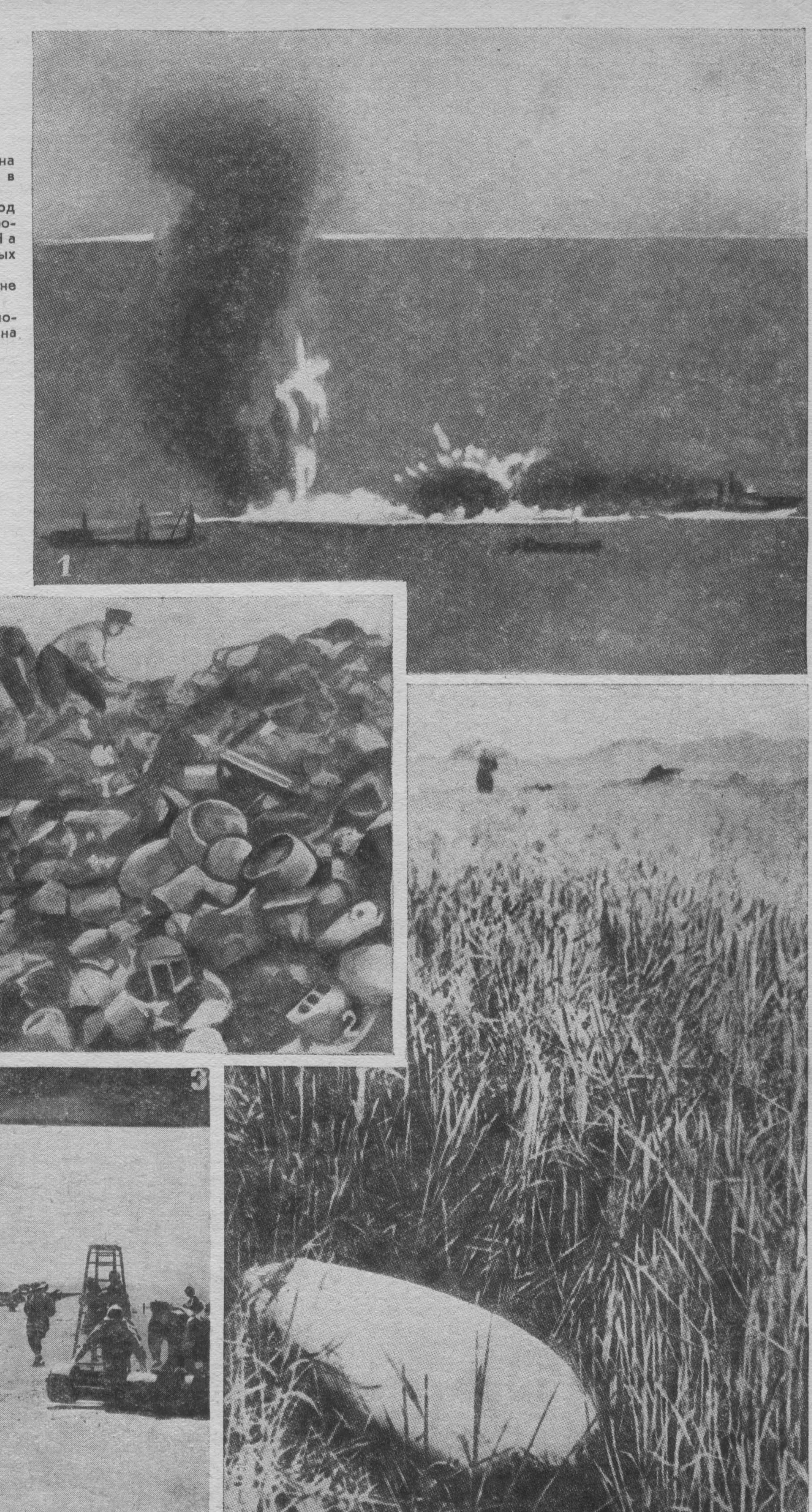
ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ

1. Нападение германских бомбардировщиков на конвой английских транспортных судов в Ла-Манше.

2. «Алюминий для авиопромышленности!» — под этим лозунгом в Англии проводится сбор посуды и прочих изделий из алюминия. На снимке: сортировка на одном из приемочных пунктов в Лондоне.

3. Итальянский аэродром в Ливийской пустыне (Северная Африка).

4. Неразорвавшаяся бомба весом в 250 килограммов, сброшенная английским самолетом на севере Германии.

го нельзя делать дома, оказывается допустимым на людях.

В воскресные дни на полянах парка устраивают митинги рабочие организации. В будни на широкой и прямой как стрела аллее Роттенроу гарцует верхом знать.

Из Гайд-парка мы отправляемся вниз по фешенебельной улице Пикадилли. Рядом раскинулся квартал богачей Бельгравиа с его очень вместительными и очень холодными особняками. В конце Пикадилли мы выходим на площадь того же наименования, Пикадилли-сэркус, от которой, словно лучи от солнца, исходят во все стороны шесть уличных магистралей. Тут сосредоточены ателье мод, ювелирные магазины, антикварные лавки. Купить какую-нибудь вещь на соседних улицах Риджент-стрит или Бонд-стрит означает заплатить двойную цену за «торговую марку». Мы минуем Лестер-сквер с его ночными ресторанами и кино. «Прощай Пикадилли! Прощай Лестер-сквер!» — поется в известной английской песенке времен первой империалистической войны.

Если мы продолжим свой путь на север, мы выйдем к Британскому музею. Он занимает первое место среди лондонских музеев, а этим сказано немало, ибо столица Англии—это город музеев. Чтобы пополнить свои музейные залы и галереи, английские мореплаватели, генералы и миссионеры в течение ряда веков усердно обирали несколько континентов. Греческий Парфенон и египетские пирамиды, буддийские храмы Индии и алмазные россыпи Южной Африки—следы всего этого можно найти в Британском музее. Байрон в своем «Чайльд Гарольде» в огненных строках бичевал бесцеремонное коллекционерское рвение своих соотечественников. В Британском музее нагромождены несметные ценности. Но одна из его наибольших достопримечательностей — изумительная библиотека, целые Монбланы книг. В этой библиотеке подолгу работали Маркс, Энгельс и Ленин.

Вернемся назад и пройдем на юг от Лестер-сквера. Мы попадем на Трафальгар-сквер — просторную центральную площадь города. В середине ее возвышается памятник Нельсону, победителю при Трафальгаре; у подножья высокой колонны со статуей Нельсона дремлют четыре каменных льва. Когда на этой площади устраиваются митинги, людская толпа волнуется вокруг памятника, а ораторы взбираются на пьедестал и отсюда произносят свои речи. На Трафальгарскую площадь выходит широкая улица Уайтхолл, где находятся важнейшие министерства. У противоположного конца Уайтхолла здание парламента с его бесчисленными игольчатыми шпилями и Вестминстерское аббатство. Поблизости Букингэмский дворец, резиденция короля. В довоенные времена праздные зеваки и американские туристы неизменно собирались у ограды дворца в часы смены караулов, чтобы полюбоваться на высокие меховые шапки гвардейских гренадеров, на белые плюмажи и позолоченные кирасы конногвардейцев — на всю средневековую бутафорию, тщательно оберегаемую в английской армии.

Выбравшись снова на Трафальгарскую площадь, мы пройдем по Стрэнду, улице гостиниц и театров, на Флит-стрит. Ее заполнили редакции и типографии крупнейших лондонских газет. В переулках агентство Рейтер и редакция «Таймс». Штабквартиры английской прессы разместились в старинных, темных и тесных домах. Только владелец «Дейли экспресс» лорд Бивербрук решился отстроить для своей газеты вполне современное здание. Получился безвкусный стеклянный ящик, залы которого отведены под контору для сбора объявлений; редакционные работники попрежнему ютятся в крохотных и неудобных комнатушках старого флигеля.

С улицы Флит-стрит виден собор святого Павла, реконструированный Реном. Отсюда берет начало царство Сити.

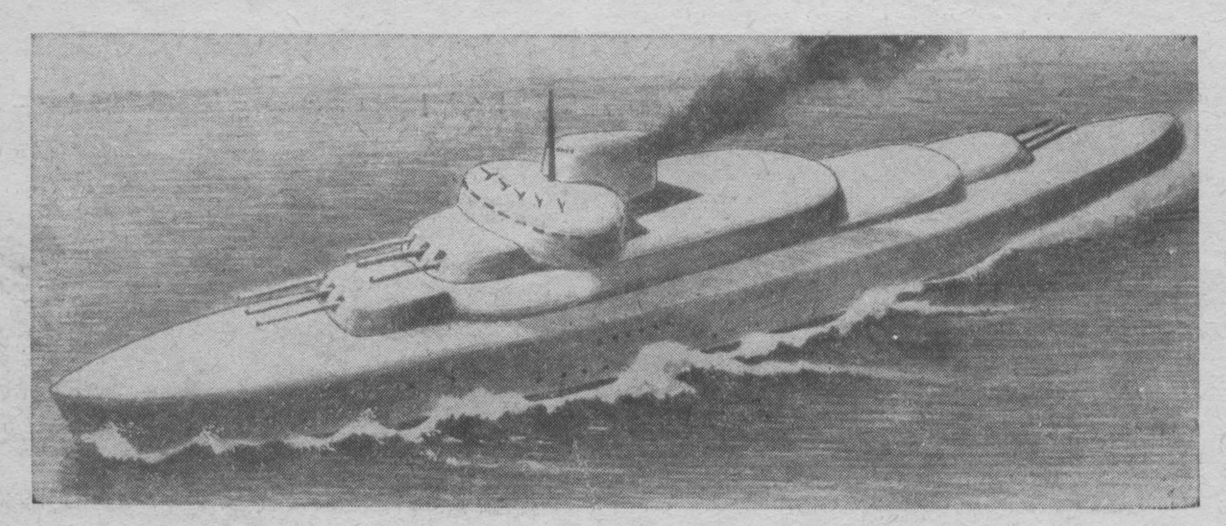
Сити означает по-английски «город». В самом деле, это поистине город в городе, привилегии которого защищены особыми парламентскими законами и королевскими грамотами. Тут здания банков и страховых обществ, правления судовладельческих и железнодорожных компаний, конторы торговых и промышленных фирм, где действуют подлинные хозяева Англии. В самом сердце Сити, точно некие храмы богазолота, возвышаются окруженные колоннадами здания Английского банка и Королевской биржи. Подвалы Сити были еще недавно загромождены золотыми слитками и кипами ценных бумаг; сейчас содержимое этих подвалов бережно перевезено в Америку на океанских пароходах, в которых было отказано организациям, бравшимся эвакуировать лондонскую детвору.

Рядом течет Темза—река, которой обязаны своим существованием и Сити и весь Лондон. Четырнадцать мостов взнуздали эту реку, шесть тоннелей пролегли под ее ложем. Вдоль Темзы на многие километры растянулись так называемые доки. Это лондонский порт. Он неказист: бесформенные здания складов и пакгаузов обступили гигантские бассейны, заполненные грязной водой, на поверхности которой расплываются нефтяные пятна. Подъемные краны словно с мольбой простирают к серому небу свои железные руки. На первый взгляд ничто не говорит вам о том, что вы находитесь в величайшем порту мира, и лишь случайно залетевшая чайка напоминает о близости моря. Но у причал выстроились океанские пароходы, украшенные флагами всех цветов радуги. А в складских помещениях можно найти сочные фрукты из Южной Африки, невыделанные кожи из Австралии, тюки египетского хлопка, каучука с Малайского архипелага, мешки с канадским зерном и цейлонским кофе, связки слоновых клыков из Экваториальной Африки. С нескольких континентов собирает свою дань британский империализм.

Таков этот столикий город во всем своем многообразии...

Помнится хмурый, осенний день, когда лондонские улицы утратили обычный вид, когда цепочки полицейских протянулись вдоль правительственных зданий Уайтхолла, а родовая знать и финансовые магнаты тревожно сидели в своих особняках. В этот день в Лондон явились участники голодного похода из промышленных районов страны, пораженных затяжным кризисом. И тогда окраины угрожающе двинулись на поддержку участников похода к блестящим центральным кварталам. В пяти минутах ходьбы от здания парламента пролетарии отражали градом булыжников атаки конной полиции. Как изменила эта вспышка народного гнева весь облик Лондона, города трущоб и дворцов, нищих и миллионеров!..

Сейчас, когда в воздушном пространстве разыгрывается «битва за Лондон», судьбы этого города привлекают общее внимание.

ОБТЕКАЕМЫЙ ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ

В военных операциях второй империалистической войны все более возрастающую роль играет бомбардировочная авиация. Уже во время сражений в Бельгии и во Франции, в мае и в июне этого года, германские пикирующие бомбардировщики нанесли английским и французским войскам чувствительные потери. Вместе с бронетанковыми частями они разорвали фронт союзников, нарушили нормальную работу их тыла. Против пикирующих бомбардировщиков до настоящего времени еще не найдено эффективного средства борьбы.

Пикирующие бомбардировщики оказались грозным оружием не только в военных операциях на суше, но и на море. Во время боевых действий в Норвегии германские пикирующие бомбардировщики совершили удачные нападения на эскадры британского флота, прикрывавшие высадку англо-французских войск в Норвегию, а затем их эвакуацию оттуда. В ряде случаев между германскими бомбардировщиками и английскими военными кораблями происходили настоящие сражения, причем английским боевым кораблям был нанесен значительный ущерб. Немало боевых кораблей было потоплено авиационными бомбами.

Морские операции второй империалистической войны показали, что корабли, построенные без достаточного учета такого противника, как авиация, неизбежно окажутся в очень тяжелом положении в случае встречи с современными пикирующими бомбардировщиками.

После норвежской операции в ряде органов печати заграницей появились описания различных проектов линейных кораблей, которые могли бы противостоять удару с воздуха.

В одной из канадских газет появился рисунок «обтекаемого линкора». Проект такого линкора был разработан американским инженером Кулером. Кулер попытался воплотить в своем проекте заявление бывшего американского морского министра Чарльза Эдисона о том, что «китоподобный», иначе говоря обтекаемый линейный корабль, — таков должен быть ответ морских держав на появление пикирующего бомбардировщика.

Так как наиболее уязвимыми для бомб оказались палубы кораблей и верхние надстройки, то инженер Кулер в своем проекте поступил следующим образом: верхнюю палубу, башни, боевую рубку и дымовую трубу он покрывает сильной броней. Рубка так же, как башни и дымовая труба, — обтекаемой формы. Дымовая труба сверху закрыта броневым колпаком. Обтекаемая бронированная поверхность корабля в состоянии выдержать прямое попадание бомбы.

Как мы видим, развитие авиации продолжает оказывать сильное влияние на военное кораблестроение.

На снимке: схематический рисунок обтекаемого линкора по проекту инженера Кулера.

ВОЙНА НА ТРЕХ КОНТИНЕНТАХ

На этой карте, как бы заснятой с глобуса, воспроизведен огромный, охватывающий три континента театр военных действий, на котором развернулась гигантская схватка между Англией с одной стороны и Германией и Италией — с другой.

11 500 километров занимает великий морской путь, соединяющий Британские острова с Индией, Лондон — с Бомбеем. На первом участке этой жизненной артерии Британской империи, вдоль побережья Ла-Манша и Атлантического океана, расположены германские военно-морские и авиационные базы, созданные на оккупированной территории Франции. От Лондона до Гибралтара британские корабли должны пройти 2340 километров под угрозой торпедирования подводными лодками и бомбежки с воздуха. Далее следуют 1840 километров — от Гибралтара до Мальты. Здесь и восточнее, на расстоянии в 1730 километров от Мальты до Порт-Саида, у входа в Суэцкий канал, действуют итальянские подводные лодки и соединения бомбардировщиков. Далеко не безопасен и участок пути Порт-Саид — Суэцкий канал — Суэц — Красное море — Аден длиной в 2423 километра.

На переднем плане карты показан **африканский театр военных действий.** Здесь, на стыке трех материков, в орбиту второй империалистической войны вовлечены обширнейшие территории. Сюда прежде всего относится итальянская колония Ливия, занимающая 1759 тысяч квадратных километров, с населением в 750 тысяч человек. Вдоль берега Средиземного моря, через всю Ливию, проходит построенная итальянцами стратегическая дорога, один конец которой упирается в границу французской колонии Тунис, другой — в границу Египта.

Египет, формально независимое государство с территорией свыше миллиона квадратных километров и населением в 16 миллионов человек, фактически является английской колонией и военно-стратегической базой на Ближнем Востоке, колоссальной хлопковой плантацией для английской текстильной промышленности. На территории Египта проходит Суэцкий канал — ворота из Старого Света в Индийский океан.

К югу от Египта расположен Англо-Египетский Судан—формально совместное владение Англии и Египта, фактически — английская колония. Он занимает 2,5 миллиона квадратных километров, его население — 6 миллионов человек. Судан — крупнейший поставщик хлопка и скота для Англии. Южнее Судана расположены английские колонии Кения (582 тысячи квадратных километров, 3350 тысяч жителей) и Уганда (244 тысячи квадратных километров, 3700 тысяч жителей).

К востоку от Судана и Кении лежит Итальянская Восточная Африка, включающая Эритрею (119 тысяч квадратных километров, 450 тысяч жителей), Абиссинию (1120 тысяч квадратных километров, 10 миллионов человек), Итальянское Сомали (495 тысяч квадратных километров, 900 тысяч жителей). В августе итальянскими войсками было занято Британское Сомали (176 тысяч квадратных километров, 347 тысяч жителей) с крупным портом Бербера, лежащим в Баб-Эль-Мандебском проливе, напротив Адена. Итальянцы претендуют также на Французское Сомали (22 тысячи квадратных километров, 90 тысяч жителей) с портовым городом Джибути, конечным пунктом железной дороги, которая ведет в столицу Абиссинии — Аддис-Абебу.

Пески, отсутствие воды, бездорожье, изолированность отдельных участков боевых операций, палящий зной, тропические ливни — таковы условия, в которых протекает война в Африке.

С. МАРВИЧ

Дым над крышей

Рассказ

I

По твердому снегу проложена извилистая лыжница. Она ведет к лесной реке. У порогов, на крутой излучине, река не замерзает всю зиму. Даже камни не успевают обмерзнуть. Никакие холода не могут сковать этот стремительный, словно бьющий из могучей помпы поток. Над камнями вздыбились бревна. Одно из них далеко отброшено вниз и вмерзло в воду там, где река течет спокойнее. Другие стоят на месте торчком или легли поперек. Это взорванный врагами мост. Разрушенные мосты встречаются вдоль всей прежней границы, от Ладожского озера до Ледовитого океана. Ими отмечен путь отступления врага. Минирован был даже дощатый настил, переброшенный через ручеек. Чуть только мелькнет вода в этой глуши, как вы увидите развороченные бревна и оборвавшийся бикфордов шнур.

Три лыжника, три бойца, подходят к порогу. За плечами каждого винтовка и тяжелая катушка связиста. Теперь надо взять на плечи и лыжи и палки и ползком по обмерзшим бревнам перебраться на другую сторону. Там, за косым черным плетнем, лежит затерянная, безыменная деревушка. Она была в пренебрежении. На красном столбе возле околицы стрелка указывает путь к городам и расстояния с точностью до десятой доли километра. Но для самой деревушки не оказалось места на карте.

Безмолвие встречает человек у входа в эти селения. На ослепительном снегу чернеют пожарища. Вид их одинаков: груда обуглившихся кирпичей и над ними одна на другой две круглых печи. Они выдаются вперед и кажутся издали огромными идолищами. Они словно стерегут мертвую тишину.

Но вокруг—сколько вокруг немых свидетелей недавней жизни! Надо только внимательно разглядеть их, не обойдя самых незаметных, и они горячо расскажут вам о многом.

Сломанная старая-престарая прялка. Как отполированный металл, блестит твердое дерево колеса. Она была такой же и сто и двести лет назад. А может быть, ей и есть двести лет? Она помнит лучину и масляную плошку. Сколько женщин старели за нею!.. Она не одна, эта старенькая прялка, пережила разрушение. У сломанной подножки сиротливо лежит размотавшийся клубок грубой шерсти. Что это мелькает на снегу, яркое и многоцветное? Картонная трубка и высыпавшиеся из нее цветные стеклышки. Игрушка, дешовый калейдоскоп. Должно быть, он куплен у коробейника, который, как и встарь, бродил здесь по пустынным дорогам с лубяной корзиной за плечами. Как удивленно смеялся ребенок, прильнув прищуренным глазом к прорези и быстро поворачивая трубку!

Нет, еще не скоро отпустят от себя эти свидетели. На пригорке, запорошенные снегом, стоят красные детские санки. Рядом раскрыта дверь уцелевшего дома. Сейчас из нее выбежит ребенок, который так радовался картонному калейдоскопу, потянет на себя веревку санок, съедет вниз и опять вскарабкается на скользкий пригорок.

Но почему вдруг у этой двери настороженно остановились бойцы? Почему так внимательно один из них разглядывает бутылку, оставленную у порога? Обыкновенная бутылка со светлой жидкостью, только пробка перетянута проволокой, и к концам проволоки прикреплены два металлических стержня.

— Не успели!— говорит старшина Гладких.

Он быстро берет бутылку и размашистым движением, как мечут гранату, бросает ее в пустырь. Тотчас вспыхнуло пламя и на том месте стал темнеть подтаявший снег. Пламя рвалось в сторону, к сухому дереву, к жилью, и легкий ветер, казалось, толкал его вперед. Но пустырь слишком просторен. Пламя осело, поникло, задохлось.

Старшина Гладких зажег висевший на груди аккумуляторный фонарь. Прощупывая каждый выступ, бойцы вошли в этот дом.

II

Их окружала со всех сторон непроницаемая тишина. Даже вороны не летали над крышей. В деревне уцелели пять домов, и ни над одним из них не поднимался дым. Двери всех домов были распахнуты настежь.

Старшина Гладких был тяжел на вид. Широкий в кости, очень сильный, он двигался неторопливо и глядел спокойно, почти сонно. Но бойцы знали, что он всегда настороже, что в опасные минуты у этого мешковатого человека появляется непостижимая ловкость. У всех стояло в памяти, как он в первые же дни боев, смерив наглаз расстояние, кубарем скатился с холма и точно попал в «мертвое» пространство, где его не мог достать пулемет, затем покошачьи быстро пополз по снегу, оставляя позади себя глубокую борозду, и захватил пулемет и пленного. В лесу, в безлюдных местах, он чувствовал себя уверенно.

— На то мы и сибиряки,—говорил Гладких.—У нас с мальчишеских годов приучаются уходить в лес надолго. Наморозишь себе мешок пельменей и идешь. А морозы покрепче здешних, и леса потруднее.

Бойцы ценили своего старшину. Он, не тратя много слов, умел передавать бойцам свое хладнокровие, свое уменье различать опасность. Когда они были вместе с этим неторопливым, грузным на вид человеком, их никогда не покидало чувство спокойной настороженности. А без этого чувства невозможно было идти заснеженными лесами, ночевать без костров, без него нельзя было даже открыть дверь дома в безлюдной деревне.

Возле сгоревшего дома в ноги бойцам ткнулась, мяукая, забытая, дрожащая от холода кошка. Она побежала за ними.

Через час бойцы закончили обход. Наступали короткие сумерки. Предстояло ночевать в этой деревне. Они расположились в первом доме, маленьком и чистом. Нашлась лампа с узким стеклом. Старшина втащил обратно прялку.

— Ну, кто из вас помнит такую штуку?—говорил он.—Только в песнях поется. Библейская машина. Мотор, что ли, к ней приделать?

Как хорошо было после землянок, после тяжелой дремоты на снегу вытянуться во весь рост на широкой скамье, на скрипучей, рассохшейся, глубокой, как ларь, кровати или просто на полу, растереть занывшие от лыжного перехода ноги. Кошка обнюхивала бойцов, ложилась им на грудь, искала места потеплее и пела громко, как только могла. В другое время они уснули бы крепко до утра. А сейчас и сон был чутким, настороженным. Спали, не снимая шинелей, и при первой тревоге рука даже в темноте могла тотчас нащупать винтовку и вогнать в гранату капсюль.

Утром особенно пустынными казались эти поляны, зажатые лесами... Бойцы все еще не могли привыкнуть к тому, что с рассветом не оживают эти места, не взвивается дым над крышей, что никто не виден у колодца, никто не идет задать корма скотине...

Но ухо старшины уловило какой-то звук. Бойцы подошли к хлеву: за дверью надрывался голодный боров. В доме стояла полная квашня. Тесто замесили недавно, может быть, вчера. Квашню вылили в корыто,—боров затих.

— Человек виден!—крикнул снаружи дозорный.

Бойцы мигом поднялись на пригорок. От леса отделилась одинокая фигура. Она медленно передвигалась по замерзшему болоту. Можно было понять, что человек устал, что он с трудом выбирает ноги из глубокого снега. Вот он остановился и, покачнувшись, опустился, почти упал на снег.

Через несколько минут бойцы подошли к этому месту. На снегу сидела женщина. Ветер шевелил выбившиеся из-под платка седые волосы. Она порывисто поднялась, отпрянула.

— Ну, что ты, что ты!—сказал Гладких.

Он тотчас спохватился и с досадой добавил, обращаясь к бойцам:

— Ведь не поймет, не знает по-нашему. Вы отсюда? Как зовут?

Женщина не отвечала. Она глядела испуганно и прижимала руки к груди.

— Зла вам не сделаем,—говорил Гладких.—Зачем так бояться? Мы красноармейцы.

— Арми,—тихо повторила женщина.

— Ну, как ей объяснить? Идти можете?

Они взяли ее под руки.

— Вы здешняя?—еще раз спросил Гладких и, чтоб было понятно, обвел рукой деревню.

Женщина указала на сгоревшую избу, потом на себя.

— Ваш дом. Тут жили,—Гладких повторил ее движение.

Женщина коротко кивнула головой.

Бойцы привели ее в тот дом, который они выбрали вчера для ночевки. Здесь уже было подметено. Уцелевшие вещи были поставлены на место.

Женщина рассеянно огляделась вокруг и не села, а как-то сползла на скамью. Она сидела согнувшись, опустив в изнеможении руки. Она закрыла глаза и дышала коротко, прерывисто.

Гладких шопотом спросил товарища:

— Чем накормить можем?

И тот подвинул к огню банку консервов и застывший хлеб.

Казалось, женщина дремала. Гладких осторожно дотронулся до нее:

— Кушайте.

Женщина ела вяло и как бы нехотя. Внезапно она выпрямилась и провела рукой по голове, словно вспомнила о чем-то. Ее глаза заблестели. Она быстро встала и потянула Гладких за рукав. Бойцы вышли за ней.

Женщина обогнула дом. Она остановилась на площадке, огороженной плетнем. У плетня была накидана солома. Женщина разбрасывала ее лихорадочными движениями. Бойцы молча переглянулись и начали помогать ей.

Под соломой открылась яма. И в яме на тряпье лежал труп старухи. На затылке чернела запекшаяся рана.

— Кто? — вскрикнул Гладких.

Теперь женщина заговорила быстро и горячо.

— Не пойму...—Гладких покачал головой.

Женщина стала показывать. Рассказывали ее руки. Тогда многое поняли бойцы, и потемнели их лица.

Женщина подняла над головой три пальца.

— Три дня тому назад,—прошептал Гладких.

Он напряженно следил за движениями женщины и безошибочно угадывал их смысл.

Женщина положила руки на невидимое колесо, она поворачивала его, она махнула рукой в сторону извилистой дороги.

— Автомобиль. На машине увозили их... насильно...— торопливо объяснял старшина бойцам.

— А дети?—он обернулся к женщине и поднял забытую игрушку.

Женщина снова указала на дорогу. Потом она схватилась за плетень и на минуту застыла, крепко держась за жерди. Нет, не о себе говорит женщина. Та, о ком она рассказывает, лежит убитая в яме. Это ее оттаскивали от плетня, это она жила раньше в доме, где ночевали бойцы. Старуха не хотела покидать родное место. Тогда...

Женщина остановилась. Она искала понятного жеста. Она дотронулась рукой до шлема Гладких и покачала головой. Не так были одеты те люди, которые выгоняли из деревни. Женщина вынула из кармана бронзовую пуговицу с волчьей головой. Она нашла эту памятку в тот страшный день на дороге и положила ее в карман истрепанной жакетки.

— Офицер?—спросил Гладких.

Это слово было понятно женщине. Она кивнула головой. Да, ее соседку убили у этого плетня. Офицер сначала свалил ее ударом, потом выстрелил в затылок, и машина увезла людей в лес.

Женщина продолжала немой рассказ. И казалось, не три бойца, а многие тысячи людей стоят среди обгоревших домов и в каждом движении этих жилистых, костлявых рук раскрывают жгучее слово, которое никогда не забудут.

Женщина протянула старшине бронзовую пуговицу.

— А зовут ее как?—спросил Гладких.—Имя какое?

В голосе звучала настойчивая просьба понять его. Женщина взглянула на убитую соседку и ответила:

— Анна Нурио.

Они вернулись в дом. Гладких вынул бумагу и начал писать.

— Анна Нурио,—повторил он.

Лихорадочное возбуждение покинуло женщину. Она снова сидела разбитая, обессиленная, как прежде.

Старшина еще не окончил писать, как за окном показались два наших конника. У одного на седле сидел старик, другой держал ребенка.

— Из лесу вышли,—объяснил конник.—Старик нес ребенка, да не под силу ему. Дед немного знает по-нашему. Вот, поговори с ним, старшина.

— Это дело!—Гладких усадил старика.

— Якко!—воскликнула женщина.

— Земляки вы?

— Да, да. Наш деревня,—ответил старик.

— А ребенок чей будет?

— Ребенок... Марта Хювинен... сын... там... последний дом... Тоже горел...

Женщина обернулась и повторила:

— Марта Хювинен...

Она занялась ребенком, раскутала его, отогревала ему ноги. Один из бойцов принес игрушку, брошенную на снегу.

Старик медленно рассказывал:

— Мы уходили из лесу... Домой... по один... один. Мы боялись... полиция...

— А где же мать ребенка?

Старик покачал головой:

— Не знаю... он был один... ходил лесу... я его брал...

— В лесу—и один?

— Да.

— Эх-х... Говори, говори, отец.

— Я выходил на дорогу... Смотрю, едут ваши...

Гладких снова взялся за карандаш:

— Зовут вас как, папаша? Имя?

— Якко.

— А дальше?

— Якко... дальше.

— Ну да, полное имя.

— Якко. Отец был Микко,—старик вдруг улыбнулся, обнажив беззубые десны.—Якко Микка пойка. Микко—у вас Мишка. Пойка—парень, сын.

— Яков Михайлович?

— Да, да, это будет Яков Михайлович. Когда я ходил работу Кемь, лодки стругать, это тридцать лет прошло, до той войны, меня звали Яков Михайлович,—вспоминал старик.—Якко Саволайнен.

Старик дополнил немой рассказ женщины о зверствах шюцкоровцев.

— Писать обо всем этом—и то нелегко,—говорил Гладких бойцам.—Что творят бандюги! Всему миру рассказать надо. Это такое, что не сразу и поверишь. Кто не видел...

Он на минуту задумался.

— Жить-то им, однако, надо. Деревня покуда в стороне. Никого здесь нет. Я доложу командиру. Пришлют, наверное, доктора. А еда?

Он встал.

— Пойдем, папаша, поищем чего.

Еще накануне бойцы видели, что в стороне, за ручьем, стоит лавка—акуратный дом с белыми наугольниками. Снаружи были навешены ставни.

— Юрье Люму, купец,—пояснил старик.

Старшина зажег фонарь. В лавке остались три мешка муки и банка с сахаром. По прилавку были рассыпаны яркие, разнообразные пуговицы. На гвозде висел новый хомут. Со стены глядел Маннергейм времен восемнадцатого года в барашковой папахе, какую носят шюцкоровцы, еще не старый, с тонким хрящеватым носом.

Гладких поднял с полу разорванную торговую книгу:

— Что это?

Старик посмотрел:

— Это кому он должен, Юрье Люму.

— А той книги, где записывал, кто ему должен, не видать. Должно быть, с собой захватил.

— Такой человек,—старик тихонько засмеялся.

— Да, уж такой человек. Давай-ка,—Гладких обратился к бойцу,—положим один мешок на весы.

— Международный вопрос, — пошутил тот.—Как мы его решим, старшина?

— А вот решим.

Гладких написал на листе бумаги:

«Взято из склада Юрье Люму для поддержания оставшихся без средств жителей этой деревни Елены Лекетти, Якко Саволайнена и малолетнего сына пропавшей без вести Марты Хювинен двадцать кило белой муки и три кило сахару, что удостоверяется».

— А там разберутся по всем правам,—сказал старшина.—За таким купцом может пропасть. А за Якко Микко пойка не пропадет!

Через час бойцы уходили из деревни. Два конника остались.

— Видаемся, видаемся,—говорил старик.

— Конечно, увидимся!

Женщина ничего не сказала, только с неожиданной для нее силой сжала руку старшине. Мальчик крепко спал на кровати.

Бойцы вошли в лес. Близко от них что-то зашуршало в снегу. Гладких прислушался и улыбнулся:

— Это тетерев. Поклевал почек—и бух в снег на боковую. Важно!

Он оглянулся на деревню: над одинокой крышей стоял прямой, ровный дым.

На синеватом снегу виднелась вчерашняя, чуть запорошенная лыжница. Бойцы пошли по ней к лесной реке...

На бесхлебье Степка Голубь
С малолетства рос.
И терпел великий голод
До седых волос.

Все большие выждал сроки
И — еще силен,
Хлеб могучий, хлеб высокий
Свой увидел он.

Поле набок покосило,
Колос тот, что цеп.
Вековая встала сила,
Мировая,— хлеб.

Он лежит на юг, на север,
Запад и восток.
Не пахал бы сам, не сеял,—
Как бы верить мог?

Хоть налево, хоть направо
Глянешь — степь и степь,
Хлеб и хлеб — всему держава,
Честь и слава — хлеб.

Почему, на этот новый
Глядя урожай,
Не рожать детей здоровых —
Каждый год рожай.

Почему от года к году
В стороне любой
Веселей не жить народу —
Можно. Хлеб такой!

Ровный, солнцем золоченый,
В поле на корню
Пахнет хлебом он печеным,
Гуще день ко дню...

Враспояску, с грудью голой,
Моложав, кремян,
В рожь, как в воду, входит голубь —
Голубев Степан.

Поперек неторопливой
Полевой волны,
Разводя над стежкой ниву
На две стороны,

Он прошел, сравнял примету
Ветер верховой,
И пропал Степан, и нету —
Скрылся с головой...

ЗА УШКО ДА НА СОЛНЫШКО

Рис. Бор. Ефимова

Рука советского закона...

Ал. Светлов

СУДЬЯ

К слушанию было назначено двадцать пять дел, и потому открытие судебного заседания Алексей Васильевич назначил на два часа ранее обычного.

Ровно в восемь часов утра в зал вошла молодая белокурая девушка, секретарь суда. Она положила на стол свои бумаги, попробовала перо и тут же сменила его, обвела глазами публику, которая несмотря на ранний час уже заполнила маленькую камеру...

День выдался по-осеннему непогожий—туманный, дождливый, сумеречный. Было полутемно. Белокурая девушка встала и дважды щелкнула выключателем. Мягкий свет залил комнату — она сразу стала уютнее, теплее и строже. Открылся судейский стол, крытый красным сукном. Справа, обнесенная невысоким деревянным барьером, вычертилась пока еще пустая скамья подсудимых.

Открылось заседание.

Дела слушаются без участия народных заседателей и сторон. И вот перед народным судьей Алексеем Васильевичем Невежиным стоит Петр Минаев, рябой усач, человек в брезентовом дождевике.

— Знаете, в чем вас обвиняют?— спрашивает судья.

— Знаю.

— В чем вы признаете себя виновным?

— Да вот... Мне надо было пойти в поликлинику, а я не пошел. По чистой глупости.

— Нет, Минаев,— говорит судья, глядя в зал,—вас не в глупости обвиняют... Глупость, знаете, уголовно ненаказуема.

— А кроме того, — уже другим голосом, совсем тихо, в нос бубнит обвиняемый,—кроме того я на работу не вышел.

— Вот теперь правильно. Но только это не «кроме того», а как раз главное. Если бы вы двадцать пятого вышли на работу, ничего бы и не было.

— Верно, гражданин судья.

— Вернее быть не может, Минаев. Ну, а теперь объясните, почему же вы на работу не вышли.

Пауза. Расправляя усы, подсудимый придумывает ответ. Он ищет не только слово: нужно найти новую, другую линию поведения. Первая—«игра в дурачка»—ведь провалилась. И вот он говорит после минутного молчания:

— Я человек от природы, знаете, нездоровый. Или печень у меня или почки. У меня, в общем, медицинский случай...

— Почки у каждого человека,— замечает судья.— Вот тут столько людей, у всех почки. А в прогульщиках только вы да еще несколько человек. Правильно?

— Правильно, гражданин судья. Мне соленого в рот брать нельзя.

— Вот видите, а вы, наверно, взяли. Человек должен беречь свое здоровье, а вы что делаете?

— По глупости.

Теперь уже Алексей Васильевич держит паузу. Сейчас он глядит уже не в зал, а в упор на обвиняемого. Несколько секунд Петр Минаев выдерживает этот взгляд, затем он начинает часто моргать глазами и опускает голову.

— А почему это, Минаев, вас рано утром вдруг на соленые огурцы повело?—продолжает допрос председательствующий. — Утром гораздо лучше колбаса, салат из свежих огурцов и помидоров, сосиски. А вы на острое накинулись.

— Не подумавши.

— Человек всегда должен задумываться над тем, что он делает,— говорит Алексей Васильевич.

В зале публика разная: инженеры, рабочие, студенты, домашние хозяйки, артисты, работники прилавка, завсегдатаи «американок». Одни уже поняли, кто стоит перед судом и на что «болеет» Петр Минаев. А коекому он все же симпатичен, этот простак и простецкий человек, может быть, и прогулявший, но небеспричинно же: немножко по чистой глупости, немножко на почве почек. И вот почему Алексей Васильевич и в этом простом деле не довольствуется тем, что ему все ясно. Ему хочется и нужно, чтобы было ясно всем: и вот этому вихрастому парнишке и вот этой старушке в первом ряду, которая то и дело подносит к глазам платочек, и не поймешь, что она за ним прячет: слезу или улыбку.

Допрос продолжается.

— Так давайте же, Минаев, договоримся. Вы, значит, утверждаете, что, не подумавши, поели соленого, заболели от этого почками и потому на работу не вышли. Так?

— Так точно,— отвечает обвиняемый и даже каблуками сапог прищелкивает.

— А может, немного иначе?

— Ну как еще иначе?

— А вот бывает и так,— снова уставившись на подсудимого в упор, объясняет ему судья. — Человек, скажем, накануне выпил, а утром надо же опохмелиться. Ну, опохмеляется он, а тут как раз соленые огурцы на столе. Как такой закуской не воспользоваться? Вот он закусывает, а у него почки больные. Ведь бывает так, Минаев?

— Бывает.

— Может, и у вас так было?

Усач мнется, молчит, подергивает плечами и признается:

— Был такой грех, гражданин судья. Немножко действительно выпил.

Впервые в зале раздается громкий смех.Теперь уже всем ясно, что за человек Петр Минаев. Но Алексей Васильевич припас еще сюрпризы и для слушателей и для самого обвиняемого.

— Это у вас первый прогул?— спрашивает он человека в дождевике.

ОХРАНА НАРОДНОГО ДОСТОЯНИЯ

Как известно, в Советской Латвии национализированы промышленные предприятия. Отныне они являются народным достоянием, общественной, социалистической собственностью. Рижские рабочие создали специальные отряды Красной Гвардии для охраны национализированных предприятий. Один из таких отрядов создан при правлении профессионального союза строительных рабочих. Отряд несет караулы на ряде фабрик и заводов.

На наших снимках зафиксированы отдельные моменты жизни красногвардейцев-строителей.

Слева — строевые занятия. Отряд регулярно проходит военное обучение.

Справа вверху — сбор отряда. Винтовки составлены. Только что закончилось собрание.

Внизу справа — отряд во главе со своими командирами отправляется на развод.

Красногвардейцы бдительно охраняют народное достояние от покушений врагов трудового народа.

— Наверно.
— А за что вас уволили с Окружной дороги?
— Я, кажется, сам ушел.
— Нет, Минаев, вас уволили.
— Возможная вещь!
— А из больницы за что уволили?
— За опоздание.
— Так. А из детских яслей?
— Сам ушел.
— А с фабрики имени Семашко?
— За опоздание.
— А сегодня за что вас судят?
— Я уже объяснял.
— Ничего... Объясните еще раз.
— За невыход на работу.
— Совершенно верно. Именно за это.

Через несколько минут Петр Минаев выслушивает приговор:

«6 месяцев исправительно-трудовых работ... с вычетом 25 процентов из зарплаты».

Он выслушивает приговор и грузно опускается на стул.

*

После перерыва проходят еще дела о прогульщиках, алиментщиках, хулиганах. Многие из них похожи друг на друга как близнецы. Их мотивы и приемы большой оригинальностью не отличаются. В наборе мотивировок у них: «выпимши», «по глупости», «в запамятстве», «случайно». В арсенале приемов: «сыграть в дурачка», «в чистосердечное раскаяние», «в жертву», «взять басом», «взять горлом», «брать на бога» и «на совесть».

Однако не все близнецы и подмастерья, есть и мастера. У них накоплен богатейший опыт. Они хитры и ловки. Они наглы и беззастенчивы. Это «артисты» своего дела. Это люди, потерявшие все и на все готовые.

Нужно иметь свой, судейский опыт, хорошо владеть судейской техникой и хорошо знать мир этих людей, чтобы уметь разделать, осадить, разоблачить этакого «героя».

У Алексея Васильевича есть эти качества и это уменье. Он работает судьей не первый год. Он заслушал и разрешил тысячи дел. Перед ним прошли тысячи людей, характеров, масок. Этих людей он не просто наблюдал: изучал. Здесь, в Таганском районе столицы, Алексей Васильевич прожил много лет. Географию и этнографию своего участка он знает «на отлично». Он знает здесь заводы, фабрики, дома, общежития, площади, улицы, закоулки... И это всегда служит ему хорошую службу.

Умело, спокойно, уверенно ведет он судебное следствие. Это длится час, три и пять часов, когда нужно. И вот падают маски. Человек, вступивший в процесс этаким «басом», через час едва-едва обнаруживает поношенный тенорок, а к «последнему слову» неожиданно начинает пищать подозрительным фальцетом... Недавний «герой», этаким орлом глядевший в зал—вот, мол, смотрите, какой я есть красавец,— вдруг теряет весь свой блеск и предстает перед честными людьми смешным и жалким.

...Уже в сумерки суд начал слушанием дело Филиппа Алимова.

Есть такой тип хулиганов—солидных, постоянных, если угодно, «стационарных». Это, так сказать, домашние, ручные хулиганы. Они населяют наши дома и терроризируют их население. Они изводят людей неделями, месяцами, годами. К ним привыкают, их терпят... К этой категории оседлых и стационарных хулиганов нужно отнести и Филиппа Алимова, «Фильку», как его вскоре стала называть вся камера.

Филипп Алимов и потерпевшая работница Марьина жили в заводском семейном общежитии. Соседствовали. Две их «четвертины» были рядом. И вот однажды, в одиннадцатом часу ночи, Алимов предложил Марьиной потушить свет. Та будто бы отказалась. Тогда он ударил ее по плечу, а она упала...

— Только всего? — спрашивает судья.
— Все дело.
— А вот в протоколе дознания говорится, что Марьину забрала «скорая помощь», так как ей проломили череп. Это не ваша работа?
— Не моя.

Филька Алимов — сразу видно — «бог». Вот он и тут в камере судьи «богует». Вошел, занял место на скамье подсудимых, но тюбетейку с головы не снял. Когда ему сделали замечание, он не снял ее, а махнул головой — и шапчонка, подскочив, шлепнулась на пол. Судья оценил этот приемчик.

— Вы что, Алимов, «показать» себя хотите?

Он не ответил. Он вообще не отвечает, а удостаивает ответом. И в глаза он никому не глядит. Не хочет. Не желает. Он, когда отвечает, глядит или в потолок, нахально задрав голову, или в окно, или в пол. Он играет, Филипп Алимов, «гроза» заводского общежития. В зале сидят знакомые, соседи, друзья—пускай они увидят, что он и тут, в суде, все тот же: вот, мол, глядите, каков я есть, ваш Филька.

Спокойный голос судьи:
— Скажите, Алимов, а кто же так угостил Марьину, если не вы?
— Не знаю.
— Но вы ведь сами признали, что спорили в ту ночь с Марьиной только вы. Было уже поздно, за полночь, все спали.
— Не знаю. Я ее ударил, и сам тоже лег спать.
— Вы ее ударили в плечо, а у нее на голове рана. Вам не кажется это странным?
— Я ей в череп не смотрел. Я не доктор.

По делу вызваны свидетели. Среди многих—одна единственная «свидетельница защиты». Алексей Васильевич начинает именно с нее:

— Ну, Александра Белкина, расскажите, что вы знаете по делу. Вы, значит, выбежали в коридор, и что же вы видели?
— Я больше ничего не видала.
— Позвольте, вы же еще ничего не показали,—останавливает ее судья.
— Я неграмотная.
— Это очень грустно. Но все-таки скажите: Алимов к Марьиной в комнату ворвался?
— Ворвался. Я больше ничего не видела.
— А Марьина шумела?
— Я неграмотная.
— Но вы шум могли слышать?
— Слышала. Марьина шумела «караул».
— С чего это она вдруг?
— Я больше ничего не видела.
— Но Алимов бил ее, это вы видели?
— Я неграмотная.
— Хорошо. Ну, а кого «скорая помощь» забирала?
— Ее забирала, Марьину.
— Это за то, что она Алимова ударила?
— Нет, он ее ударил. Я больше ничего не видела.
— А вы чего не видели, того и не говорите.
— Я неграмотная.
— Но все-таки вы видели, что Алимов ударил Марьину стулом по голове?
— Нет, он ее не стулом бил, а вроде тумбой... Я больше ничего не видела. Я неграмотная...

Когда председательствующий вызывает фамилию второго свидетеля, подсудимый вообще восстает против этого института:

— Тут свидетели ничего показать не могут: все в доме спали.
— Но и вы, Алимов, тоже ведь спали... Откуда же вы знаете, видели свидетели или не видели?

Свидетельница Татьяна Королевская показывает коротко, толково и правдиво. Алимов нагнал Марьину и смаху ударил ее табуреткой по голове. Женщина упала и затихла, как мертвая. Алимов подошел и стал бить ее ногой. Как в футбол бьют. Он еще сказал: «Ты перестань притворяться, ты не смущай людей». А Марьина не двигалась. Никто в коридор не выбегал. Никто мер не принимал. Все боялись.

— Боялись?—переспрашивает судья.
— Его все боятся у нас.
— Он что, часто так?
— Часто.

Еще несколько вопросов. Они дополняют картину и дорисовывают портрет.

— Скажите, свидетельницы, Алимов — для всего дома гроза?
— Правильно.
— Он, стало быть, целый дом в страхе держит?
— Вот именно. В этом-то и горе.

Судебное следствие закончено. Алексей Васильевич обращается к подсудимому:

— Ну, Алимов... О чем вы просите суд в последнем слове?

Но у «орла» крылья уже перебиты. И голосок уже не тот. Он что-то такое лепечет бессвязное, нелепое. Похоже даже, что он о чем-то унизительно просит, этот два часа назад молодец и красавец:

— Я прошу дать мне маленькое наказание.

Суд приговорил хулигана к пяти годам заключения в тюрьму, избавив здоровое человеческое общежитие от дикаря, грозы, «бога».

Поистине «сумерки богов»...

Зато еще светлее наша жизнь.

Железнодорожный транспорт нашей страны становится все более сильным и совершенным. Новые сверхмощные паровозы, новые цистерны и платформы, новые комфортабельные пассажирские вагоны выходят на пути великой железнодорожной державы.

На снимке: оборудованный мягкими сидениями новый многоместный цельнометаллический вагон пригородного сообщения. Справа внизу: внешний вид поезда, состоящего из вагонов нового типа.

Фото Н. Веринчука.

НОВОЕ СОВЕТСКОЕ...

Фото Я. Халипа

Рабочие, служащие, интеллигенция освобожденного Кишинева с каждым днем все больше и больше познают быт советского города. С каждым днем все явственнее ощущается забота партии и правительства о нуждах трудящихся. Детские ясли при фабриках и заводах — то, что обыденно и привычно в городах и селах нашей страны, — становятся сейчас достоянием Кишинева. При табачной фабрике по ферментации и сортировке табаков в Кишиневе организованы детские ясли. На снимке (справа): общий вид здания фабрики.

Каждое утро, направляясь на фабрику, работница сортировочного цеха Анна Стынгач относит своего ребенка в благоустроенные детские ясли. Здесь ребенку обеспечен заботливый уход.

Анна Стынгач старается работать лучше и производительнее: она работает для себя, для своего ребенка, для блага своей родной страны. На снимке: Анна Стынгач за работой (вторая справа).

Во время обеденного перерыва Анна Стынгач успевает накормить ребенка и отдает его до окончания рабочего дня сестре фабричных яслей Лене Ковальчук.

НА «БОЛЬШОЙ ВОЛГЕ»

Рисунки и текст
Василия Беляева

«Большая Волга» — это не только Угличский гидроузел (плотина, шлюз, ГЭС) и гидроузел Рыбинский (плотина и шлюз на Волге; плотина и ГЭС на реке Шексне). «Большой» Волга будет именоваться после постройки восьми плотин на ней, четырех — на Каме и трех — на Оке. Таким образом, Угличский и Рыбинский гидроузлы—это только фрагменты «Большой Волги».

Угличская плотина обеспечит значительный подъем воды в Волге, образовав от Углича до Иванькова огромное водохранилище.

Рыбинский гидроузел поднимет уровень Волги на 16 метров, а зеркало водохранилища, образуемое этим гидроузлом — с Рыбинской и Шекснинской плотинами,— будет равно 4700—4800 квадратных километров, что в восемь раз превышает площадь Женевского озера — самого большого озера Западной Европы (581 квадратный километр).

Чтобы иметь представление о величине и объеме сооружений первой очереди «Большой Волги», или Волгостроя, приведем несколько сравнительных данных. Если на строительстве Беломорско-Балтийского канала имени Сталина объем земляных работ составил 21 миллион кубометров, а на Днепрогэсе—400 тысяч кубометров, то на Волгострое этот объем равняется 43 миллионам кубометров!

Один миллион восемьсот тысяч кубических метров бетона было уложено на Днепре; два миллиона триста тысяч кубических метров бетона будет уложено на Волгострое.

Если сейчас на втором месте после Днепрогэса (558 тысяч киловатт) в Европе стоит итальянская гидростанция Изарко-Кардано (205 тысяч киловатт), то одна Шекснинская (Рыбинская) ГЭС отодвигает итальянскую станцию на третье место, второе оставив за собой, за СССР.

Получив глубокий выход к Волге, в Балтийское море, а также и в Белое благодаря двум узлам, завязываемым Волгостроем, Москва вплотную подходит к новой золотой странице своей биографии: Москва сталинская — порт пяти морей.

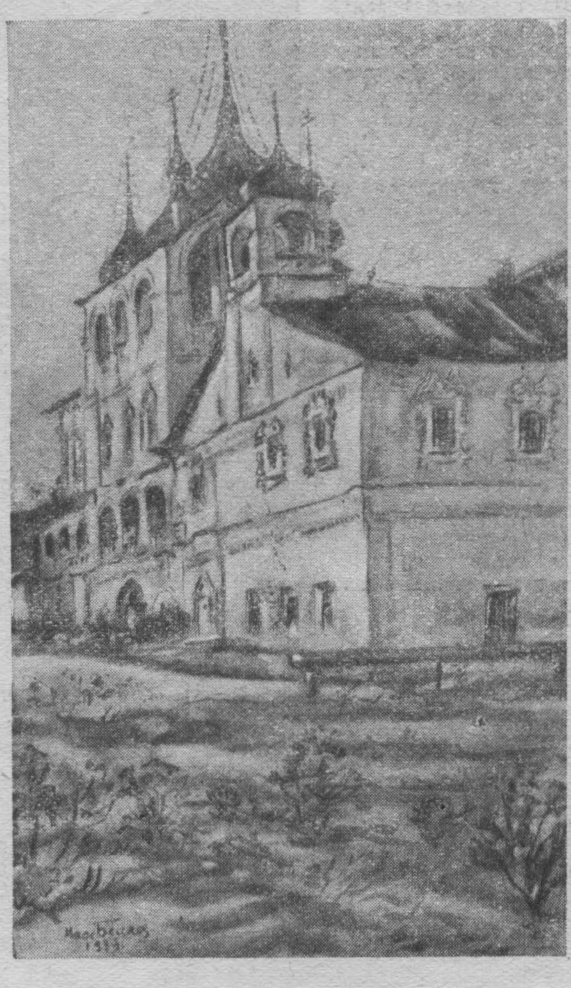
Строительство в Угличе настолько продвинулось, что теперь, когда Волга, почувствовав на себе вторую после Иванькова узду, недоуменно споткнувшись у тысячелетнего города, отхлынула, заливая все мели, перекаты, косы и песчаные острова, из Москвы в навигацию 1941 года можно будет плыть прямым, сквозным рейсом Москва — Углич.

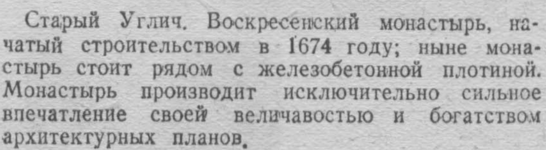
Углич... Он недавно, совсем недавно, справлял тысячелетие своего существования. Тысячу лет прожил он уединенно, тщательно наслаивая века за веками. Тщательно оберегали Углич «отцы города» от всякого проникновения свежего ветерка, решительно ощетинившись против проведения к Угличу железной дороги; они своего добились: «уют» старины потревожен не был. И вот пришли большевики — и Углич соединен железной дорогой с Калязином, а следовательно, и со всем Союзом республик.

Только в полую воду слышал раньше Углич сирены пароходов. Вскоре в течение всей навигации пароходы будут приветствовать обновленный город страны социализма. Вместе с гидроузлом Углич выращивает и уже вырастил ряд больших заводов: бетонный, механический, сыродельный и другие. Город растет со сказочной быстротой.

Семидесятиметровые башни кабель-крана переплетаются с прекрасной архитектурой «зачарованного града Китежа»; бетонный комбинат — и монастыри XVII века; канатные дороги — и палаты царевича Дмитрия; железобетонная плотина — и сокровища музея...

Некоторое, самое минимальное и скромное представление обо всем этом и должны дать воспроизводимые здесь рисунки.

Старый Углич. Воскресенский монастырь, начатый строительством в 1674 году; ныне монастырь стоит рядом с железобетонной плотиной. Монастырь производит исключительно сильное впечатление своей величавостью и богатством архитектурных планов.

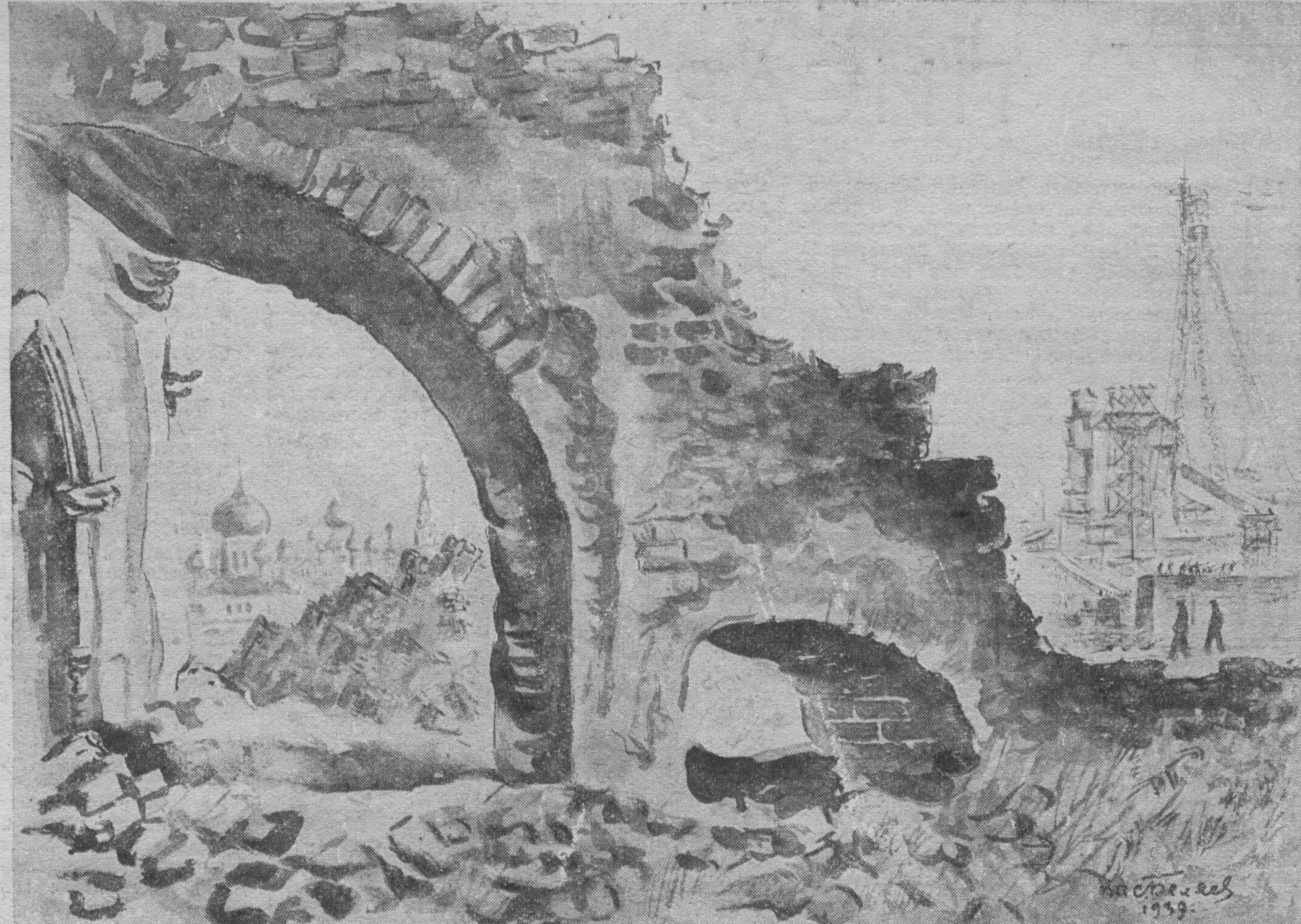
Старый Углич. «Палаты царевича Дмитрия», или «Дворцовая палата угличских князей». Время постройки — 1462 год, по одной версии, и 1481—1483 годы—по другой. Ныне в палатах помещается исторический отдел Угличского музея. Деревянное крыльцо — пристройка позднейшего времени.

Иллюстрация с натуры на тему «Как жили в старом Угличе люди — домик на одной из улиц, и как жили боги — группа церквей Богоявленского монастыря».

Ныне картина уже изменилась, изменилась резко и изменилась в пользу человека.

Картинка Углича. В пролете арки полуразрушенного крыльца церкви Леонтия, как бы придавливаемая разрушающимся крыльцом, группа Воскресенского монастыря и церкви Предтечи. Справа, на просторе, гордо вздымающаяся башня кабель-крана, часть бетонного комбината и работы в котловане на рисберме по разбору ряжей временной перемычки. →

Вот он, фрагмент «Большой Волги»!
Угличская ГЭС (спиральные камеры и первые два бычка железобетонной плотины). Вид с транспортерной эстакады со стороны верхнего бьефа. ↓

В. Жданов

ПИСАРЕВ

Необычайна личность Дмитрия Ивановича Писарева, необычайна его судьба. В бурные 60-е годы, когда под натиском революционных сил в России колебались вековечные крепостнические устои, Писарев был заточен в Петропавловскую крепость. В мрачном каземате развернулась его литературная деятельность. Заключенный в четырех стенах, он умел оказывать влияние на умы своих современников; больше того, именно в этот период он стал подлинным «властителем дум» значительной части передовой русской молодежи.

В том, что Писарев попал в Петропавловскую крепость, нет ничего удивительного. Это было время полицейского террора, о котором поэт-революционер Михайлов, попавший в крепость на полгода раньше Писарева, писал:

«Каждый, кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
Каждый, кто честен, умен, предан наверно суду...»

Начав в 1858 году свою литературную работу в мелких журналах, Писарев примкнул к левому лагерю русской журналистики. Быстро освободившись от либеральных иллюзий юношеских лет, он был захвачен волной общественного подъема начала 60-х годов. В эту пору в России складывалась революционная ситуация. «Оживление демократического движения в Европе, — пишет Ленин, — ...распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян... студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной. При таких условиях самодержавное правительство... не могло поступать иначе как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации...» (т. IV, стр. 126).

Писарев принадлежал к числу этих сознательных врагов существующего порядка. На страницах журнала «Русское слово», который благодаря его деятельности сделался боевым органом демократической мысли, Писарев выступал как достойный соратник Чернышевского; своей борьбой против реакционеров «Русское слово» наравне с «Современником» завоевало в правительственных и цензурных кругах репутацию «вредного и опасного журнала».

В отличие от Добролюбова и Чернышевского Писарев не был последовательным революционным демократом: в его исторических и политических взглядах было много незрелого и ошибочного, его философское мировоззрение, вытекавшее из механического материализма Фохта и Бюхнера, было шагом назад по сравнению с материалистической теорией Фейербаха, которую развивал на русской почве Чернышевский. Но в борьбе против общего врага — самодержавия — интересы всех демократических групп русского общества объединялись. В годы подъема революционно-крестьянского движения оппозиционные настроения радикалов типа Писарева вырастали до подлинно революционного протеста.

Духом горячего протеста против реакции в политике, идеализма в философии, отвлеченного эстетизма в искусстве, протеста против косности мысли и обветшалых традиций насыщены лучшие произведения Писарева. Уже в первой крупной своей работе — «Схоластика XIX века» — он решительно встает на сторону Чернышевского в его полемике с журналистами охранительного лагеря. Писарев яростно нападает на реакционеров, проповедующих гнилые идеи, «истлевший хлам», который, «как египетская мумия, распадается в прах от движения воздуха». В программной статье «Базаров» Писарев дает блестящий анализ тургеневского романа «Отцы и дети», используя материал романа для того, чтобы показать подлинный облик героя своего времени — разночинца и демократа, главные черты которого были мастерски схвачены Тургеневым.

В следующей большой статье, озаглавленной «Генрих Гейне», Писарев обосновывает свой взгляд на проблему взаимоотношения революции и искусства. Разбирая противоречия творчества Гейне, он критикует «политический дилетантизм» своего любимого поэта, осуждает его эстетический подход к революции. Писарев противопоставляет ему признание благодетельного значения «насильственных переворотов» для судеб народа. «Смотреть на революцию с эстетической точки зрения — значит оскорблять величие народа и профанировать ту идею, во имя которой совершается переворот».

Революционные настроения Писарева укреплялись вместе с ростом общественного возбуждения в стране. Встревоженное правительство, защищаясь от натиска революционной партии, все активнее прибегало, по выражению Ленина, к «драконовским мерам репрессии». Запрещение передовых журналов — «Современника» и «Русского слова» — Писарев переживал с великой болью. Он писал матери: «Я не намерен писать в других журналах, потому что все они — дрянь... Нужно уметь с достоинством переносить политическое поражение».

Писарев с глубоким уважением относился к Герцену. Поэтому, когда в продаже появилась инспирированная правительством пасквильная брошюрка, имевшая целью подорвать в глазах русских читателей авторитет великого издателя «Колокола», Писарев не выдержал. Со всей горячностью, на которую он только был способен, Писарев написал революционную прокламацию, разоблачая маневры правительства, призывая русских людей к свержению самодержавия.

Писаревская статья-прокламация заканчивалась словами, полными силы и значения: «Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным... Посмотрите, русские люди, что делается вокруг нас, и подумайте, можем ли мы дольше терпеть насилие.... На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать.

Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».

Вот до каких смелых и страстных призывов поднимался Писарев! Он пытался напечатать свою прокламацию в подпольной типографии. Но типография была раскрыта жандармами. Рукопись Писарева попала к ним в руки. Автор на многие годы был заточен в крепость.

★

Весной 1867 года Писареву, недавно вышедшему на свободу, случилось лично познакомиться с Тургеневым. Они встретились в петербургской квартире В. П. Боткина и долго разговаривали наедине. Тургенев до этого не очень жаловал Писарева. Он знал не только его разборы «Отцов и детей», но и нашумевшие статьи, в которых Писарев развенчивал «старые литературные кумиры» и в первую очередь Пушкина.

Дело в том, что в середине прошлого века реакционные поклонники «чистого» искусства, фальсифицируя наследие Пушкина, пытались превратить его в знамя своего эстетического направления. Писареву казалось, что, отрицая Пушкина, он борется с этим направлением, выбивая из рук дворянских эстетов их главное оружие. Увлеченный этой борьбой, Писарев стал на путь огульного отрицания такого великого явления, как Пушкин. Старшее поколение, к которому принадлежали и Тургенев и Боткин, разумеется, не могло простить Писареву его парадоксальных выступлений против Пушкина.

Может быть, главным поводом упомянутой встречи и послужило для Тургенева желание поговорить с Писаревым о Пушкине, излить свое возмущение и обратить внимание критика на «некоторые последствия» его разрушительной деятельности. Перед Тургеневым, не без опаски ждавшим появления вождя «нигилистов», предстал скромный и воспитанный молодой человек с большими умными глазами, честным и открытым выражением лица. Писарев держался с достоинством. Он ни в чем не согласился с Тургеневым, но мало спорил, а больше деликатно молчал.

Во второй раз посетив Тургенева, Писарев застал дома и Боткина. Последний совершенно не выносил «мальчишек», «нигилистов» и «неучей»; относясь к Писареву с нескрываемым раздражением, он решил не принимать участия в беседе и демонстративно уселся в стороне. Однако, как только завязался разговор, Боткин не выдержал, вскочил с места и начал сыпать резкостями. Он тем больше выходил из себя, чем корректнее и сдержаннее отвечал ему Писарев. «Нигилист» оказался, таким образом, «истым джентльменом», и Тургенев не раз потом подсмеивался над Боткиным, обнаружившим перед «мальчишкой» грубость и задирчивость, недостойную утонченного эстета, каким считал себя Боткин.

После личного знакомства с Писаревым Тургенев вполне оценил его честный ум и открытый, благородный характер. Он настолько стал считаться с молодым критиком, что, возвратясь из России в Баден-Баден, очень быстро написал ему большое письмо с просьбой высказать мнение о только что появившемся романе «Дым».

Писарев ответил Тургеневу, что цензурные условия не позволяют ему высказать в печати его мысли о «Дыме». Кроме того, по его мнению, о Тургеневе «надо писать хорошо и увлекательно, или совсем не писать». Пребывание в крепости подорвало здоровье Писарева и ослабило работоспособность. «Вся моя нервная система потрясена переходом к свободе, — пишет он Тургеневу, — и я до сих пор не могу оправиться от этого потрясения. Вы видите сами, как нескладно написано это письмо и как дрожит моя рука. Я пожду писать о «Дыме», пока не буду чувствовать себя спокойнее и крепче».

Вслед за тем Писарев сжато, но выразительно изложил свое суждение о романе: «При всем том «Дым» меня решительно не удовлетворяет. Он представляется мне странным и зловещим комментарием к «Отцам и детям»... Мне хочется спросить у Вас: Иван Сергеевич, куда Вы девали Базарова?.. Неужели же Вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца?.. »

Писарев за несколько лет до этого бурно приветствовал появление тургеневского Базарова, но в новом произведении знаменитого писателя не нашел отражения процесс дальнейшего развития Базарова как общественного типа. Между тем этот т и п существовал в жизни. Писарев знал это, ибо он сам был отчасти Базаровым. Писарев знал также, что лучшие представители «базаровского» поколения были уже давно в казематах и на каторге. Не потому ли цензурные условия мешали ему печатно говорить о недостатках «Дыма»? Ему пришлось бы подробно писать о людях, которые никак не пользовались симпатиями правительства и были не замечены автором «Дыма». Но в письме к последнему Писарев с замечательной прямотой высказал свое мнение о романе.

Весь эпизод встречи Писарева с Тургеневым, завершившийся этой перепиской, как нельзя лучше рисует личность и характер Писарева. Прямой, правдивый, принципиальный, независимый, бесконечно честный — таким Писарев был и в жизни — в своих отношениях к людям и в творчестве — в своих оценках литературно-общественных явлений. Еще в детстве его звали «хрустальной коробочкой»: он не умел кривить душой или скрывать свои мысли.

Писарев был типичным шестидесятником по складу своей натуры. В нем сочетались лучшие свойства передовых людей той эпохи: любовь к труду, демократические убеждения, благородное отношение к женщине, энциклопедическая образованность, презрение к тунеядцам. Если бы кто-нибудь захотел найти живое олицетворение великой страсти к наукам, к знанию, он должен был бы назвать Писарева. На его работах, посвященных пропаганде естественных наук, воспиталось целое поколение русских ученых. Статьи Писарева способствовали проникновению в Россию революционных идей дарвинизма.

★

Отличительное свойство Писарева как писателя — это его блестящий литературный талант, его мастерство публициста, критика, полемиста, почти не знающего себе равных в русской литературе. Читать Писарева — большое наслаждение. Можно не соглашаться с Писаревым, можно без труда обнаруживать отдельные его заблуждения, но нельзя без увлечения следить за железной логикой его мысли, прямотой и смелостью суждений, великолепным остроумием и находчивостью.

Писарев утверждал, что подлинный поэт всегда «пишет кровью своего сердца. А чтобы действительно писать кровью сердца, необходимо беспредельно и глубоко сознательно любить и ненавидеть, и чтобы эта любовь и ненависть были действительно чисты от всяких примесей личной корысти и мелкого тщеславия». Эти слова в полной мере относятся к самому Писареву. Он умел писать кровью сердца, потому что умел бескорыстно любить и бескорыстно ненавидеть. Все, к чему он прикасался, горело под его пером. Если он любил, то это пламенное чувство невольно сообщалось его читателям. Если он ненавидел, то перо его метало громы. Он умел находить такие слова, которые уничтожали, испепеляли противника.

Вспомните, как говорил Писарев о Фете и других представителях «чистой» лирики, безучастных к страданиям народа: «Лирические поэты наши питают свое убожество теми мельчайшими крупицами мысли и чувства, которые составляют всеобщее достояние всех людей... Лирики, подобно птице колибри, питаются цветочной пылью; они даже это мельчайшее и известнейшее чувство обратили в свою собственность и стали извлекать из него доход, благодаря умению творить все из ничего и надевать на неосязаемую пыль легкотканные и весьма пестрые одежды из ямбов, хореев, анапестов...» «Воспитание ослабило его тело... У него нет физического здоровья, физической силы, физической свежести; это ходячая теория, человеческая голова на курьих ножках, выжатый лимон без соку, без вкуса и без остроты. И таково большинство...»

Яркое и сильное писаревское слово в высокой мере обладало даром будить мысль, поднимать и заражать людей. Теперь, когда исполнилось сто лет со дня рождения знаменитого русского критика, мы с уважением вспоминаем о его короткой и трудной жизни. Мы вспоминаем о его сокрушительных атаках крепостнического строя, о его борьбе за демократическую литературу, о его неустанной пропаганде подлинно-научных знаний. Нам близка великая любовь Писарева к труду, его вера в жизнь и способность мечтать, не отрываясь от реальной жизни, о которой говорил Ленин, когда в «Что делать?» мечтал о близкой народной расправе «с позором и проклятием» старой России.

Кадр из фильма. Э. Кренкель и И. Папанин в жилой палатке.

«ПОКОРЕННЫЙ ПОЛЮС»

Исторический, беспримерный дрейф отважных папанинцев частично уже нашел свое отражение в фильмах, выпущенных кинохроникой. В них рассказывалось о подготовке экспедиции, этапах перелета, о некоторых моментах жизни на льдине. Но все эти фильмы оставляли в стороне важнейший вопрос — сущность научной работы дрейфующей станции.

Показать, в чем именно заключалась научная работа, что изучалось во время дрейфа, какие выводы и открытия сделали героические участники экспедиции,— задача фильма «Покоренный полюс», недавно законченного студией «Лентехфильм». (Сценарий Г. Сильверстова, режиссер — М. Клегман.)

Пользование макетами, мультипликацией, микросъемками, съемками в аквариуме дали возможность разъяснить ряд сложных научных проблем. Мультипликация помогает наглядному рассказу о научных выводах и итогах проделанной работы. Съемки в аквариуме показывают работу гидрологических приборов, определяющих глубины океана, температуру воды. Микросъемка демонстрирует зрителю обнаруженных в районе полюса мельчайших животных и растительные организмы.

Интересно краткое историческое введение к фильму. Оно раскрывает контраст между отдельными, обреченными на неудачу попытками отважных полярных исследователей покорить полюс и блестяще организованной советской экспедицией, вооруженной новейшими приборами и современной техникой.

Удачно смонтированы подлинные исторические кадры прибытия экспедиции на Северный полюс, ожидания самолета Чкалова, путь которого в Америку пролегал над полюсом, встречи героев-папанинцев в Москве, приема в Кремле.

Стараясь возможно полнее раскрыть сущность и результаты научной работы станции «Северный полюс», авторы фильма вместе с тем показали эпизоды жизни на льдине, жилую палатку, хозяйство, отдых и этим очень оживили фильм. Зритель видит Кренкеля, рано утром поднимающего своих товарищей, видит приготовление завтрака веселым «хозяином полюса» Папаниным, его же за дневником и т. д.

Фильм убедительно показывает огромную работу, проделанную советской властью по освоению Арктики и завоеванию Северного полюса.

В. Ф.

Кадр из фильма. Е. Федоров на отдыхе.

Фото Е. Игнатович

Ароматный зеленый огурец с сизоватым налетом на гладкой или бугорчатой кожуре. Яркокрасный сочный помидор с темнозеленой розеткой чашелистиков. Красный, розовый, белый редис, связанный в букеты-пучки. Нежный, ломкий салат. Пряные хрустящие ветвистые перышки молодого укропа. Белоногий сельдерей. Лоснящиеся, как бы просвечивающие стручки недозрелой фасоли. Белые, словно из густо взбитой пены головки цветной капусты... Все это в таком именно виде и состоянии только два-три месяца в году дает открытый грунт в средней полосе нашей страны.

Сохранять же более или менее длительное время без порчи такие овощи и особенно наиболее нежные и вкусные, так называемые салатные, употребляемые обычно в сыром виде, не так легко. Эти овощи быстро вянут и теряют свою приятную ароматичность, сахаристость и, что особенно важно, большое количество содержащихся в них витаминов. Сохранить их возможно только свежезамороженными.

Для созревания овощей требуются следующие, находящиеся в постоянном взаимоотношении и взаимодействии виды материи: тепло, свет, влага, минеральные соли почвы и некоторые газы воздуха. В более или менее постоянной, необходимой для растений «дозировке» эти условия, если не считать влаги, бывают лишь под тропиками. Потому-то в тропических странах овощи произрастают под открытым небом круглый год.

При современной технике вполне возможно иметь свежие овощи круглый год и вне тропиков: в субтропической зоне, в средней полосе, у Полярного круга и далеко за ним.

В этом легко можно было убедиться, посетив овощной участок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Тут можно было видеть все способы искусственного изменения климата, позволяющие в течение круглого года создавать для наиболее ценных южных овощных растений тропические условия.

Искусственный обогрев почвы и воздуха, искусственное освещение, строго регулируемый «рабочий день» и надежная защита ограниченного пространства от выдувания дают возможность тропическим растениям развиваться и созревать и за Полярным кругом, в далеких зимовках Арктики. Для этого достаточно лишь заставить могучие арктические ветры вращать генераторы для получения электрической энергии. При наличии тока тонкие нервы металлических проводов оживают, наливаются энергией и разносят по стеклянным дворцам овощного комбината обильное техническое питание, зажигающее там электрический свет и разогревающее спирали тепловых установок. И в долгую, полярную ночь под нависшим над теплицей холодным черным небом зеленеют, цветут и завязывают плоды овощные уроженцы Ост-Индии, Мексики, Перу и других южных зон.

В средней полосе нашей родины круглогодовое выращивание овощей гораздо проще и обходится дешевле.

Комбинируя разные способы изменения климата на ограниченном пространстве, вполне возможно создать—и это показано на Выставке—своего рода «зеленый конвейер» овощного производства. Такой «конвейер» может действовать без перерыва в течение круглого года, то уходя под стекло теплиц и парников, то забираясь на греющую «постель» из преющего навоза—так называемого утепленного грунта, то укрываясь под «одеяло» из рогож или соломенных матов, то под легкую защиту бумажных колпаков, то переходя в открытый грунт под безморозное летнее небо, то, наконец, снова осенью возвращаясь под кровлю стеклянного цеха.

★

Сорван первый листок календаря. Новый год, 1 января.

К этому времени в теплице убирают с растений последние помидоры и «дозариваются» сорванные раньше. В парниках доращивается цветная капуста и сохраняется совершенно свежим редис самых поздних и стойких сортов—китайский, дунганский.

Рядом в другой теплице поспел ярко зеленеющий лук.

Февраль. Еще дозревают в ящиках сорванные в теплицах зелеными и желтоватыми помидоры. Яркой светлой зеленью прост/ прочили черную землю тепличного грунта сверхранний салат, шпинат и укроп. К концу месяца в теплицах начинается сбор огурцов-зеленцов. В отличие от обычной культуры в открытом грунте или парниках здесь огурцы растут не врасстил, а ввысь, привязанные к протянутым одна над другой проволокам или бичевкам (шпалерная форма культуры) или подпираемые на стеллажах воткнутыми наклонно в землю лучинками—так называемыми «сошками». Такое положение растения улучшает условия его освещения и повышает урожайность. Вплоть до 1 августа ярко зеленеет в теплицах буйная листва огурцов, то тут, то там желтеют цветки с вздутиями—завязями под ними. Между шпалерами жужжат пчелы, опыляющие эти цветки. Систематически через день происходит обильный сбор блестящих, матовых или покрытых сизым налетом плотных, ароматных огурцов.

К концу апреля в теплицах поспевают первые помидоры. Сбор их, постепенно возрастая, продолжается в течение мая и дальше, до 15 августа.

Ранней весной, когда температура наружного воздуха еще опускается ниже нуля и земля покрывается инеем, под стеклом парников тепло. Сквозь запотевшие стекла виднеются крупные лопасти листьев, такие же, как в теплице, желтые цветки. 1 — 10 мая сборщицы высоко приподымают остекленные рамы парников, подставляют подпорки и, если холодно, занавешивают открытые стороны рогожами. Начался съем первых парниковых огурцов-зеленцов. Сбор их продолжается до 1 августа. Это парники, обогреваемые так называемым биологическим топливом, то есть «горящим» конским навозом, домовым мусором, осенними листьями, преющими органическими отбросами и остатками. Еще ранее — до 1 мая — поспевают огурцы-зеленцы в односкатных и двускатных парниках, обогреваемых электрическими проводами или трубами теплопровода. Позднее чем в обычных парниках, но раньше на месяц чем в открытом грунте убирают овощи в утепленном горячим навозом грунте, защищаемом лишь на ночь от холодов матами или рогожами.

Прошла опасная пора утренних заморозков. С календаря сорван последний листок этого периода — 10 июня. С парников сняты остекленные рамы, унесены под навес соломенные маты, убраны рогожи. Вся земля овощного участка покрыта буйно разросшейся зеленью. И парники и открытый грунт мало чем отличаются друг от друга. Щедро освещает и обогревает землю яркое июньское солнце. 15 июня начинается сбор с открытого грунта салата и редиса, а с 1 июля и до 15 сентября поступают на рынок грунтовые огурцы.

С половины июня до 15 сентября происходит сбор парниковых помидоров. Давно закончили свою «производственную программу» в парниках салат, редис, цветная капуста, ранняя кочанная капуста и ранний картофель — с 1 июня по 15 июля. До 1 августа продолжается начавшийся с 20 июня съем цветной капусты с утепленного грунта. На полной мощности начинает работать основной поставщик свежих овощей в средней полосе — открытый грунт.

Агроном Е. А. Бенедиктова у кустов помидоров, выращенных в блочной теплице.

Весь август и до середины сентября идет непрерывный сбор овощей.

Под скупым осенним солнцем, бессильным уже пробиться сквозь пелену облаков и перепадающих часто дождей, уже не дозревают на стебле последние плоды томатов. Их снимают зелеными и либо «дозаривают» под стеклом в парниках либо используют на засолку.

С наступлением осени, когда не хватает дневного света для выращивания рассады огурцов, ей дают дополнительное освещение, искусственное. В пять, а то и в четыре часа дня вспыхивают сильные электрические лампы. Рефлекторы отбрасывают на растения яркий искусственный свет. И он успешно заменяет естественные солнечные лучи. Не только рассаду, но и самые огурцы дает с 1 октября по 1 января теплица. В другой теплице с 15 октября с «дозариванием» по 1 февраля спеют помидоры. С 1 октября и до конца года в парниках доращивается кочанный салат, ромен.

Год закончен. Зеленая лента «конвейера» движется дальше, без перерыва повторяя тот же цикл. Таким образом, не только в тропических странах, но и у нас можно круглый год выращивать овощи и словно с конвейера беспрерывно снимать различную овощную продукцию, самую свежую, доброкачественную, богатую витаминами.

На механизированных парниках ВСХВ работал парниковый комбайн системы Мкртчьяна.

Ю. Пригожин

МАСТЕРСТВО ФОТОПОРТРЕТА

Советское искусство, люди искусства и в особенности театр, актеры — вот круг тем, определяющих творчество одного из старейших наших фотографов-портретистов Б. Фабисовича.

Четверть века на театральных съемках! Обширный и содержательный архив Фабисовича продолжает непрерывно пополняться. Его коллекция — живая история советского театра.

Для выставки в Центральном доме работников искусств Б. Фабисович отобрал около пятисот экспонатов. Здесь и портреты выдающихся советских актеров, деятелей театра и кино, портреты писателей, музыкантов, художников, снимки отдельных сцен нашумевших спектаклей («Человек с ружьем» в театре им. Вахтангова, «Укрощение строптивой» в театре Красной Армии, «Иван Сусанин» в Большом и др.).

Отдельные работы Фабисовича, в особенности портреты, отмечены печатью вдохновения и подлинного художественного исполнения.

Полон обаяния портрет Бабановой в пьесе «Таня», выразительны Зускин в «Бар-Кохбе», Завадский — в роли Чацкого. Трудно оторвать взор от портрета Станиславского, сделанного незадолго до его смерти.

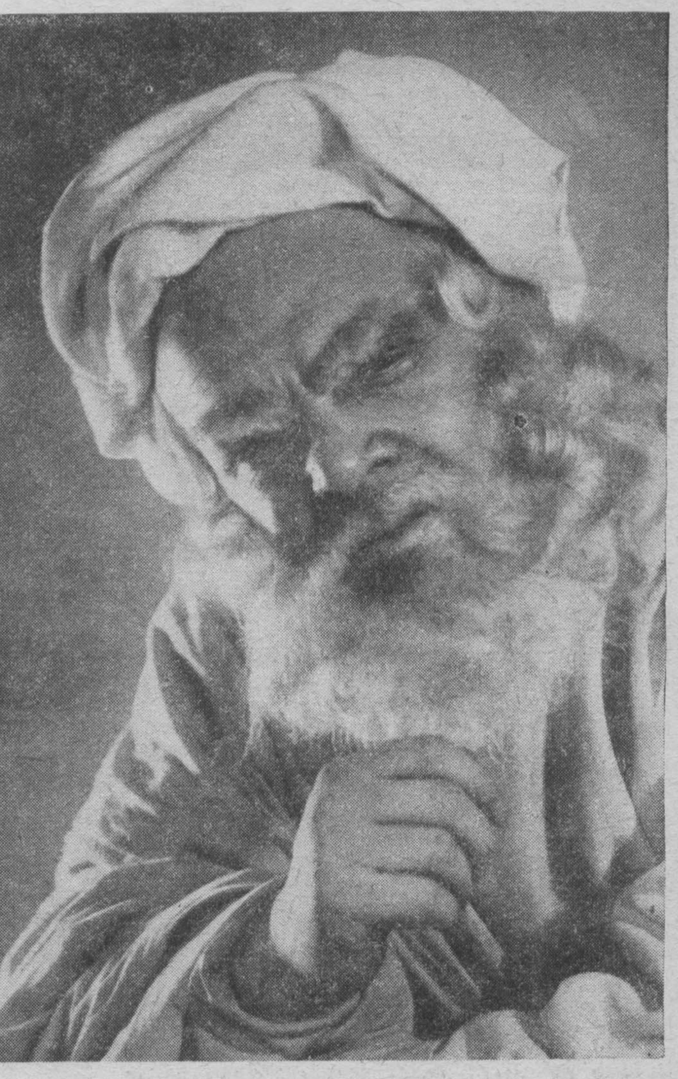
В портретной галерее Немирович-Данченко и Качалов, Москвин и Остужев, Книппер-Чехова, Барсова, Щукин, Насырова, Уланова, Тамара Ханум, Михоэлс, Черкасов, Довженко, Самосуд и ряд других хорошо известных актеров, режиссеров, театральных деятелей.

Театральная съемка нелегка: чтобы подготовиться к ней, нужно проделать большую предварительную работу. Б. Фабисовича можно всегда встретить на общественных просмотрах новых постановок, за кулисами. Он внимательно наблюдает актеров, он добросовестно изучает материал для предстоящих съемок. Вот почему его съемки так убедительны, так рельефны. В них большая любовь к делу сочетается с большим мастерством, которое требуется от выполнения фотопортрета.

Каждому, кто любит современный театр и его замечательных мастеров, следовало бы побывать на выставке Б. Фабисовича.

Народная артистка Узбекской ССР Тамара Ханум.

Народный артист РСФСР В. Л. Зускин в пьесе «Бар-Кохба» (Еврейский театр).

Сцена из комедии В. Шекспира «Укрощение строптивой» в Центральном театре Красной Армии.

Заслуженная артистка РСФСР М. И. Бабанова в пьесе «Таня» (Театр революции).

Г. Мунро

Иллюстрации худ. Ю. Цишевского

Норман Гортсби сидел на скамейке в парке спиной к газону, усаженному кустиками и обнесенному оградой, а вдали, перед ним, расстилалась широкая дорога для экипажей. Было около половины седьмого, ранний мартовский вечер; и сумерки густо заволокли все вокруг — сумерки, разбавленные лишь тусклым лунным светом и огнями немногочисленных фонарей. Кругом все как бы опустело, но какие-то фигуры молча двигались по парку или же незаметно присаживались на скамейки, едва различимые в царящем полумраке.

Воображение Нормана рисовало ему разнообразные картины. Сидя на скамейке в почти безлюдном уголке парка, он с каким-то болезненным удовольствием наблюдал за людьми, бродившими по темным, неосвещенным аллеям, наблюдал и старался дать каждому свое определение.

Рядом с ним сидел пожилой джентльмен с подавленным и в то же время немного вызывающим видом — последние, повидимому, следы самоуважения в человеке, который уже ни к чему и ни к кому не мог относиться вызывающе. Его платье вряд ли следовало назвать поношенным, в полумраке оно могло еще сойти за приличное, но едва ли можно было себе представить, что такой человек рискнет купить коробку шоколада за полкроны или выложить девять пенсов за гвоздику для петлички. Когда он поднялся, чтобы уйти, Норман ясно представил себе, как этот человек возвращается к себе домой, где его презирают и третируют как неудачника, или же в мрачную меблированную комнату, хозяйка которой интересуется им лишь в день внесения квартирной платы. Его удаляющаяся фигура медленно растаяла во мгле, а место на скамейке было тут же занято довольно хорошо одетым молодым человеком, вид которого, однако, был не намного жизнерадостней вида его предшественника. Как бы желая подчеркнуть, что жизнь сложилась неудачно для него, пришелец издал сердитое и весьма недвусмысленное восклицание и сразмаху опустился на скамейку.

— Настроение у вас, повидимому, неважное? — осведомился Норман, решив, что это проявление недовольства рассчитано на то, чтобы привлечь его внимание.

Молодой человек повернулся к нему с таким обезоруживающе искренним выражением лица, что Норман тут же насторожился.

— Если бы вы попали в такую историю, как я, — заявил молодой человек, — это, несомненно, отразилось бы на вашем настроении. Я только что совершил самую большую глупость в моей жизни.

— Да? — бесстрастно осведомился Норман.

— Приехал сегодня в Лондон и рассчитывал остановиться в гостинице Патагония, на Беркшайр-сквер, — продолжал собеседник. — И тут-то я обнаружил, что гостиницу снесли несколько недель тому назад, а на ее месте построили кино. Шофер посоветовал мне поехать в другую гостиницу, поблизости, и я туда отправился. Получил комнату, отправил письмо родным, сообщил им адрес и вышел купить мыла — понимаете, забыл захватить с собой кусок, а я ненавижу казенное мыло, которое дают в гостиницах. Потом я погулял, зашел в бар, выпил, поглазел на витрины магазинов, а когда решил вернуться в гостиницу, то внезапно сообразил, что не помню ни ее названия, ни даже улицы, где она находится. Хорошенькая история для человека, у которого нет в Лондоне ни друзей, ни знакомых! Конечно, я могу телеграфировать родным, чтобы они мне сообщили адрес, но они получат мое письмо не раньше завтрашнего дня. А пока что я остался без денег; вышел с шиллингом в кармане, истратил его на покупку мыла и выпивку в баре — и вот брожу с какими-то двумя пенсами в наличности и негде мне даже переночевать!

— Вот оно — подтверждение правдивости вашего рассказа, — сказал Норман, протягивая ему мыло...

Засим последовала красноречивая пауза.

— Вы, вероятно, думаете, что я вам рассказал довольно невероятную историю! — сказал молодой человек с оттенком негодования в голосе.

— Отнюдь не невероятную, — резонно возразил Норман. — Как сейчас помню, такая же история случилась со мной заграницей, но нас тогда было двое, что, пожалуй, еще более невероятно. К счастью, мы вспомнили, что наша гостиница стоит на берегу канала, а когда мы разыскали канал, то в конце концов добрались и до гостиницы.

Юноша заметно повеселел при этих словах:

— Знаете, в чужом городе это было бы не так страшно. Можно пойти к английскому консулу и получить от него соответствующую помощь. Но здесь, у себя на родине, чувствуешь себя гораздо более потерянным, когда попадаешь в подобную историю. Если только я не нападу на приличного человека, который согласится одолжить мне денег, мне придется, вероятно, ночевать на набережной Темзы. Как бы там ни было, я рад, что вы не находите мою историю невероятной.

В эти последние слова он вложил много чувства, как бы желая выразить надежду, что Норман по всем признакам может легко сойти за желанного «приличного» человека.

— Да, да, — медленно проговорил Норман, — единственное слабое место в вашей истории — то, что вы не можете предъявить этот кусок мыла!

Молодой человек поспешно приподнялся, быстро ощупал карманы своего пальто и вскочил на ноги.

— Неужели я потерял его? — сердито пробормотал он.

— В течение одного и того же дня потерять и гостиницу и кусок мыла — это уж предел рассеянности и неаккуратности, — холодно заметил Норман, но юноша не стал дожидаться конца фразы: он быстро зашагал по аллее, высоко подняв голову с вызывающим и в то же время несколько растерянным видом.

«Как жаль, — размышлял Норман, — во всей этой истории самым убедительным моментом была покупка мыла, и как раз эта маленькая деталь и погубила его. Если бы он заранее обзавелся куском мыла, изящно упакованным в соответствующую пеструю обертку, он мог бы считаться гением по своей узкой специальности. А гениальность в данном случае, несомненно, сводится к тому, чтобы предусмотреть все мельчайшие детали».

Размышляя таким образом, Норман встал, чтобы уйти, и тут у него невольно вырвался крик досады. На земле, рядом со скамейкой, лежал небольшой овальный пакетик, тщательно упакованный в пеструю обертку. Это был, несомненно, кусок мыла, очевидно, выпавший из кармана юноши, когда тот сразмаху опустился на скамейку.

Норман помчался по аллее, тревожно вглядываясь в темноту, пытаясь высмотреть юношескую фигуру в светлом пальто. Он уже было отчаялся, как вдруг увидел молодого человека, стоявшего в нерешительности у ограды. Услышав голос Нормана, он резко и с неприязнью повернулся к нему лицом.

— Вот оно — подтверждение правдивости вашего рассказа, — сказал Норман, протягивая ему мыло. — Вероятно, выскользнуло из кармана вашего пальто, когда вы сели рядом со мной... После вашего ухода я обнаружил его на земле... Вы должны простить меня за проявленное недоверие, но обстоятельства были явно против вас; а сейчас, когда я держу в руках это вещественное доказательство, я понимаю, что мне следует немедленно отменить мое решение. Если вам может пригодиться этот соверен, я с удовольствием одолжу его вам.

Молодой человек поспешил рассеять все сомнения, быстро опустив золотую монету в карман своего пальто.

— Вот моя визитная карточка с адресом, — продолжал Норман. — Деньги вернете мне на этой неделе, когда вам будет удобно. А вот и мыло; берегите его: оно вам сослужило хорошую службу.

— Как хорошо, что вы его нашли! — сказал юноша; прерывающимся голосом он пробормотал несколько слов благодарности и быстро удалился в сторону Найтсбриджа.

«Бедный парень, как он расстроился! — подумал Норман. — Не удивительно: он переживает всю эту неприятную историю. Это хороший урок для меня — не судить по первому впечатлению и не умничать!..»

Когда Норман возвращался обратно, мимо места, где только что разыгралась эта небольшая трагедия, он увидел пожилого джентльмена, который с озабоченным видом что-то искал возле скамейки. Он тут же узнал в нем своего прежнего соседа.

— Вы что-нибудь потеряли, сударь? — вежливо осведомился он.

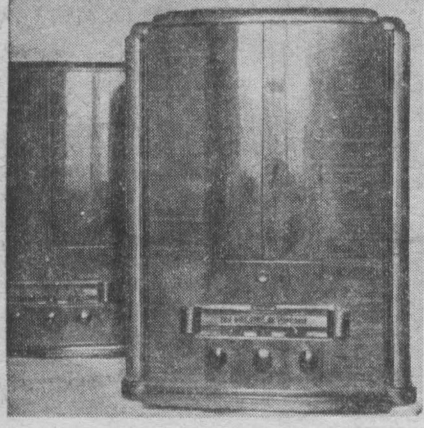
— Да, сэр, кусок мыла.

Перевод с английского
ЕЛЕНЫ ШЛОСБЕРГ

Фото Р. Бенарио

В нескольких комнатах многоэтажного Дома книги в Орликовом переулке, в Москве, разместилась фабрика «говорящей бумаги». Перспективы этого, пока еще маленького предприятия, без преувеличения, необозримы. Небольшой творческий коллектив выковывает здесь новое могучее орудие социалистической культуры, которому суждено в недалеком будущем занять почетное место рядом с печатью, кино и радио.

В этих лакированных шкафчиках заключены автоматические аппараты «говорящая бумага».

В одной из комнат стоят ряды красивых лакированных миниатюрных шкафчиков. У каждого из них на передней стенке светящаяся шкала с сигнальными лампами и три кнопки.

В этих шкафчиках заключены автоматические аппараты «говорящая бумага».

В другом помещении фабрики можно увидеть на столах стопы больших бумажных листов. Работницы разрезают их на полоски, склеивают в длину и затем скатывают в рулоны наподобие кинолент. Это и есть фонограммы «говорящая бумага». На бумажных полосках вьются черные линии, испещренные мелкими зубцами. Так выглядит на бумажной ленте изображение звука.

К одному из автоматических аппаратов подходит работник фабрики. Он включает в осветительную сеть штепсельную вилку и нажимает одну из кнопок. Дверцы миниатюрного шкафчика распахиваются. Внутри виден механизм. Работник укрепляет на катушках механизма рулон бумажной ленты и поворачивает другую кнопку. Вспыхивает тонкий луч света. Он падает на звуковую дорожку. Раздается музыка.

Лента постепенно перематывается с одной катушки на другую. Она уже заканчивается. Но музыка не прекращается. Луч света автоматически переходит на соседнюю звуковую дорожку. Катушки начинают вращаться в обратные стороны. Лента разматывается. Попрежнему звучит музыка.

Вас приглашают теперь послушать речь. Техника перемены программы аппарата настолько проста, что ее сможет осуществить каждый, кто умеет обращаться с радиоприемником.

Речь звучит ясно. Диктор выразительно читает известные строки «Введения» к «Краткому курсу истории ВКП(б)».

Что же в это время происходит в аппарате? Тонкий луч света падает на звуковую дорожку. Различная ширина дорожки и ее мелкие зубцы вызывают световые колебания, которые чутко улавливает фотоэлемент, преобразующий световые лучи в электрический ток. В аппарате устроен специальный усилитель, примерно такой же, как в радиоприемнике. Световые колебания, превращенные в электрические и усиленные во много раз, воздействуют на динамический репродуктор — получается звук.

Оптический способ воспроизведения звука не нов. Он широко применяется, например, в кино. На киноленте также имеется звуковая дорожка. На нее также падает тонкий луч света. Но «говорящая бумага» является новым и оригинальным применением этого принципа. Около двенадцати лет назад советский изобретатель Б. П. Скворцов решил заменить дорогостоящую кинопленку дешовым материалом — бумагой для воспроизведения звука. К своей работе он привлек полиграфистов. После многочисленных опытов изобретатель и работники полиграфии пришли к выводу, что бумажные фонограммы можно печатать полиграфическим способом.

Б. П. Скворцов умер три года назад, не успев закончить начатое дело. Правительство возложило тогда всю работу по организации опытов на Объединение государственных издательств.

Основные вопросы сложного комплекса изобретения сумел разрешить коллектив опытной фабрики: инженеры Дыскин, Авцын, Золотницкий, Курбатов, Шутак, практик-технолог Бородянский, полиграфисты Филиппов, Сакулин и директор фабрики Финко, а также ряд других высококвалифицированных специалистов.

После разработки всевозможных конструкций звуковоспроизводящих аппаратов лучшей оказалась конструкция, созданная по предложению инженера Дыскина.

Вполне удались и опыты печатания фонограмм полиграфическим способом. Правда, это оказалось чрезвычайно сложным делом. Однако работники фабрики смогли отпечатать в Первой образцовой типографии на неприспособленном оборудовании, ручным способом несколько десятков экспериментальных фонограмм. В дальнейшем печатание фонограмм полиграфическим способом потребует создания совершенно новой отрасли производства — точной полиграфии, оперирующей такими мельчайшими единицами измерения, как микрон (тысячная доля миллиметра).

«Говорящая бумага» обладает преимуществами и перед кинопленкой, звучащей в кино, а также и перед специальными тонфильмами, изготовленными на целлюлозной пленке или на целофане. Тонфильмы размножаются известными способами фотокопирования, и поэтому с одного оригинала записи нельзя получить многих копий. Фотокопирование занимает много времени, что также уменьшает возможность массового издания тонфильмов на пленках.

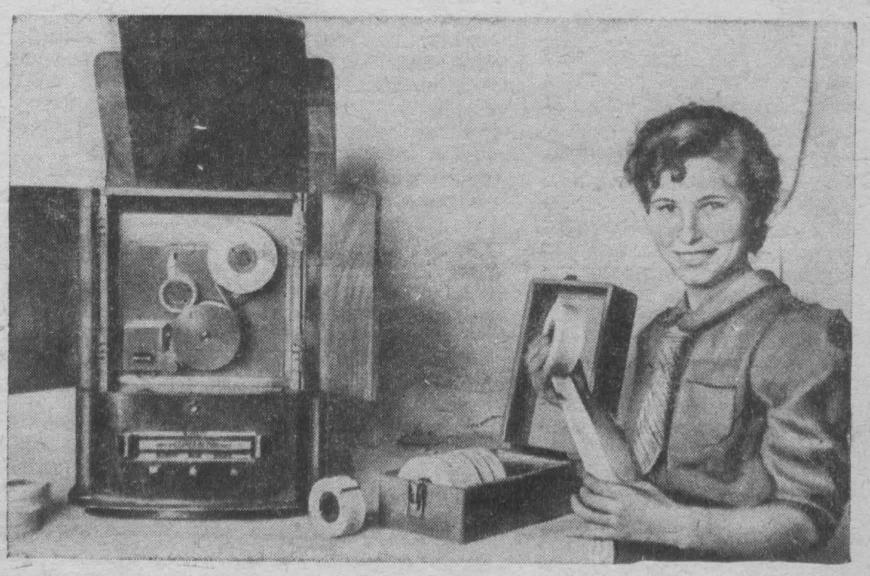
Таким образом самое большое преимущество «говорящей бумаги»—это возможность ее массового и быстрого производства. Важный доклад, лекция, выдающийся концерт или спектакль могут быть «отпечатаны» на бумажных лентах в течение суток в тысячах экземпляров. Самолеты, автомобили, поезда немедленно их доставят во все концы нашей страны. Бумажные фонограммы можно будет покупать, как книги или брать в библиотеках.

Все случаи применения «говорящей бумаги» трудно предвидеть. Несомненно то, что она будет служить прежде всего одним из основных средств пропаганды марксизма-ленинизма и политической агитации. Бумажные фонограммы помогут нести в самые широкие массы населения живое, убедительное большевистское слово: речи руководителей партии и правительства, лекции высококвалифицированных специалистов.

На бумажных лентах могут печататься оперы, симфонии и другие большие музыкальные произведения, а также литературные и драматические произведения в исполнении крупных мастеров художественного слова.

Начинающий музыкант или артист, оркестр или самодеятельный кружок воспользуется дешовой, доступной ему бумажной фонограммой как незаменимым учебным пособием.

Задание по выпуску первой пробной серии автоматических аппаратов и комплекта бумажных фонограмм фабрика выполнила успешно. Сейчас коллектив продолжает работать над усовершенствованием своей необычной продукции.

Просмотр фонограмм на фабрике.

НРАВЫ. Спортивные традиции английских университетов Кембриджа и Оксфорда общеизвестны. Спортивные матчи между кембриджскими и оксфордскими студентами приобрели значение «национального события» в жизни Англии.

В довоенные годы матч Кембридж—Оксфорд заслонял все другие новости и сенсации в лондонской печати.

Университеты японской аристократии, Кео и Васеда, решили в подражание традициям Кембриджа и Оксфорда устроить регулярные спортивные состязания своих студентов. Но страстные ценители английских университетских традиций позабыли о «темпераменте» молодых отпрысков японских аристократов. Студенты университета Кео не могли простить студентам Васеда поражения на баскетбольном поле и закончили состязание на улицах Токио, свернув челюсти победителям из конкурирующего университета. Финальная борьба на улицах Токио была так горяча, что для васедовцев не хватило карет скорой помощи, а кеовцы попали в полицейские участки.

Но в полиции быстро разобрались в истинном положении вещей. Директор полиции извинился за неучтивую расторопность полицейских, ничего не понимающих в высокой политике, и отдал распоряжение освободить арестованных. Впрочем, он их обязал тут же помолиться богам за души японских солдат, уже погибших или имеющих еще погибнуть на китайских фронтах.

Директор полиции подробно объяснил своим нечаянным гостям, что молитвы за души погибших воинов им зачтутся на этом свете не меньше чем спортивная победа их противникам-васедовцам. Он лично будет ходатайствовать перед ректором университета, чтобы эти молитвы были внесены в их матрикул как признак гражданской доблести и высокого патриотизма.

И вот перед изумленными прохожими предстало любопытное зрелище. На сквере, перед полицейским участком, 12 юношей во главе с полицмейстером коленопреклоненно умоляли богов ниспослать победу японскому оружию в Китае. Это происходило в ту минуту, когда костоправы в больнице занимались врачеванием побитых васедовцев.

КОНВОЙ СТРАДАНИЙ И СМЕРТИ. Швейцарская печать рассказывает о жестокостях, которыми сопровождалась эвакуация политических заключенных из парижской тюрьмы Сантэ в дни бегства французских властей из столицы.

В Сантэ содержалось 1200 политических, арестованных правительствами Даладье и Рейно. 10 июня в тюрьме Сантэ был получен приказ о срочной эвакуации всех политзаключенных. Всю ночь двигались грузовики, увозя 1200 человек. На рассвете они прибыли в Орлеан. Но орлеанские тюрьмы уже были набиты доотказу, как и все тюрьмы Франции. В 4 километрах от Монтаржи, в Сепуа, машины были разгружены. Люди были изнурены, пробыв 24 часа без пищи. Им пришлось стоять на ногах под палящими лучами солнца. Усталость, голод, жара вызвали многочисленные обмороки. Потом их разместили в смрадном сарае. Запрещено было выходить даже для отправления естественных надобностей. С субботы 15 июня до понедельника 17 июня были организованы маршевые колонны. Шли по 100—120 человек. Перед отправкой заключенных предупредили, что всякая попытка к бегству будет караться смертной казнью. Колонны шли вдоль Бриарского канала. Там были больные, старики, обутые в холщевые башмаки на плетеной подошве, выданные им в Сантэ. Во время перехода, в первый же день, трое заключенных были заколоты штыками.

УМЕНЬШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ. Разбирая причины, вызвавшие быстрое поражение французской армии, итальянская печать особо останавливается на падении рождаемости во Франции.

По данным итальянской военной газеты «Форце Армате», за последние 75 лет население Англии выросло с 25 миллионов человек до 47 миллионов; население Германии в 1865 году насчитывало 40 миллионов человек, а в настоящее время — почти 80 миллионов (включая Австрию и Чехию). В Италии население с 22 миллионов человек увеличилось до 42 миллионов. Во Франции за тот же период население увеличилось с 38 миллионов человек до 42 миллионов, что составляет рост на 4 миллиона человек против 22 миллионов в Англии, 20 миллионов в Италии и 40 миллионов в Германии.

До 1820 года в среднем на французскую семью приходилось 5 детей; в 1830 году средняя численность детей в семье снизилась до четырех и к концу прошлого столетия—до трех. В настоящее время французская семья имеет в среднем 1—2 детей.

В 1865 году во Франции ежегодно насчитывалось миллион новорожденных, в настоящее время — только 600 тысяч.

Процент молодежи во Франции все время уменьшался, и в то же время увеличивался процент стариков. Число стариков выросло с 4245 тысяч в 1866 году до 5265 тысяч в 1900 году и достигло 6 миллионов в 1934 году.

Новое в науке и технике

ПАНЦЫРИ ДЛЯ ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ. Выпущенные в США панцыри для защиты военных летчиков от пулеметного огня состоят из тонких изогнутых пластинок, выполненных из высококачественной стали, подвергнутой специальной термической обработке. Это позволяет делать пластинки тонкими и сравнительно нетяжелыми. Изогнутая форма щитков удобна для летчика, кроме того от кривой поверхности пули, как известно, скорее рикошетируют чем от плоской.

ОХОТНИК ЗА РТУТНЫМИ ПАРАМИ. Не видимые невооруженным глазом ядовитые ртутные пары можно легко обнаружить при помощи аппарата, недавно сконструированного в исследовательской лаборатории «Дженераль электрик компани США». Как и все пары, пары ртути поглощают определенные цвета спектра, в данном случае—голубой и ультрафиолетовый. Когда в аппарат, снабженный лампой, испускающей именно эти цвета, вводится испытуемый объем воздуха, присутствие в нем паров ртути обнаруживается тенью, которую они отбросят, поглотив свет лампы. Однако, поскольку для глаза эта тень слишком слаба, она улавливается фотоэлементом, который попутно по густоте тени измеряет и показывает процентное содержание паров ртути в воздухе. Аппарат отличается чрезвычайной чувствительностью.

НОВЫЙ МЕТОД ГЕОЛОГОРАЗВЕДКИ. Двумя шведскими учеными предложен новый метод определения присутствия минеральных залежей. Способ основан на следующем: при наличии в земле минерала вода в данной области содержит его следы. Деревья и кустарники этот водный раствор минерала поглощают, а потому следы минерала оказываются в их листьях. Путем лабораторного анализа листьев можно установить наличие минерала в той местности, где растут анализируемые деревья. Авторы утверждают, что опытная проверка этого метода дала хорошие результаты.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ СТЕТОСКОП. В США выпущен промышленный стетоскоп для акустического испытания машин. Подобно тому как врач выслушивает с помощью стетоскопа биение сердца больного и записывает состояние его здоровья (стетоскоп от греческих слов «стетос» — грудь—и «скопео»—наблюдаю), так и новый прибор отмечает звуки в испытуемой машине и результаты автоматически записывает ввиде диаграммы, на которой видны не только сила звука, но и его тон. Сравнение диаграмм, снятых с нормально и ненормально работающих машин, позволяет определить болезнь машины.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ РЕГУЛИРОВКА ОСВЕЩЕНИЯ. В одной американской конторе специальное устройство автоматически выключает электрическое освещение при повышении интенсивности дневного света и, наоборот, включает его при наступлении темноты. Установка состоит из нескольких рядов ламп, причем каждый ряд управляется отдельным фотоэлементом. С усилением дневного света первыми гаснут ряды, расположенные ближе к окнам, а с наступлением темноты они зажигаются последними. Таким образом, интенсивность освещения в помещении автоматически поддерживается на одном уровне.

ТУРБОГЕНЕРАТОР, РАБОТАЮЩИЙ В ВОДОРОДЕ. Работающий в атмосфере водорода турбогенератор установлен на одной из силовых станций США.

Главными преимуществами этой установки являются: значительная экономия топлива; возможность работы на больших скоростях; снижение потерь на трение об окружающую среду; меньшая опасность воспламенения и более длительный срок службы изоляции обмотки, поскольку окисление устранено.

ИСКУССТВЕННАЯ КОРИЦА. Государственный гамбургский химический институт (Германия) разработал способ создания искусственной корицы. Сейчас в Германии выпущен на рынок искусственный коричный порошок и коричный сахар.

Приятный запах и вкус естественной корицы объясняются присутствием в коричной корке 1 процента эфирного масла, состоящего на 65—76 процентов из коричного альдегида, на 4—10 процентов из евгеноля и на 14—31 процент из других веществ.

Трудность производства искусственного коричного порошка объясняется тем, что коричный альдегид очень нестоек. Немецкие химики попробовали смешать его с евгенолем, с которым он смешан в естественной корице. Смесь 96 процентов коричного альдегида и 4 процентов евгеноля оказалась стойкой и не уступающей по вкусу естественной корице.

Искусственный коричный порошок состоит из размельченной в тончайший порошок скорлупы миндаля или волошских орехов, пропитанной 3—4 процентами вышеуказанной смеси. Для запаха в дорогие сорта подмешивают 0,2 процента естественного коричного масла. Искусственная корица дешевле натуральной, более концентрирована, причем концентрации имеются на рынке различные, и их можно варьировать в зависимости от вкуса потребителя; она дольше сохраняется и лишена неприятных дополнительных запахов, свойственных естественной корице.

«ЛЕТАЮЩИЙ БОЕЦ». «Летающий боец» — такова идея нового американского изобретения, упрощенного одноместного геликоптера. Эта легкая машина совсем не имеет фюзеляжа. Маломощный бензиновый двигатель, роторы, органы управления — все это крепится к подвесной системе, напоминающей лямки парашютиста.

В отличие от парашютиста «летающий боец» в состоянии управлять своим аппаратом, подниматься и опускаться на различных скоростях.

«Летающий боец» сможет самостоятельно пронестись через водные преграды, преодолеть зону препятствий, совершать огромные прыжки над полем битвы.

Геликоптер имеет два ротора, вращающихся в противоположных направлениях на вертикальной оси. Он поэтому в состоянии подниматься и опускаться почти без разбега.

Управление машиной производится корпусом, рукой и ногой.

В мирное время полеты на одноместном геликоптере упрощенного типа могут стать новым увлекательным видом спорта.

М. БАГДАНОВИЧ. Избранные стихи. Гослитиздат. 1940.

Судьба выдающегося белорусского поэта Максима Багдановича сложилась печально. Оторванный от родной Белоруссии, которую поэт любил всем сердцем, тяжело больной туберкулезом, он умер в мае 1917 года, едва достигнув двадцатипятилетнего возраста.

Стихи Багдановича омрачены мыслями о нужде и бесправии белорусского народа, о собственной судьбе и предчувствием близкого конца. Родина вставала перед его глазами измученная, обездоленная, нищая:

«Клены, березки да темные хаты
С тощими нивами рядом.
Люди, как нищие, ходят в заплатах,
Ясному солнцу не рады..
В песнях и в сказках—все та же невзгода,
Радости сердце не чует.
Стиснуто горем дыханье народа,
Горе повсюду пануег».

Но грустный тон поэзии Багдановича вовсе не безнадежен. Недаром он любит природу, пробуждающуюся от зимнего сна, и свежесть ясного, солнечного утра, сменяющего темную ночь. Он верит в возрождение своей родины, мечтает увидеть ее свободной и счастливой, вместе с прогрессивными белорусскими писателями энергично борется за создание белорусской народной культуры.

Стихи Багдановича напоминают стихи Некрасова. Но это не перепевы. Как всякий истинный поэт, Багданович умеет каждую тему повернуть по-своему и словом, идущим из самого сердца, затронуть ответную струнку в сердце читателя. Вот, например, стихотворение «Слуцкие ткачихи». Взятые в неволю, на панский двор, белорусские девушки ткут по приказанию пана золотые пояса с персидскими узорами. Но думы их уносятся далеко от душной мастерской и немплой сердцу работы:

«Туда, где зеленеют всходы,
Где зацветают васильки,
Где серебром сверкают воды
Меж гор пробившейся реки,
Где виден край седого бора..
И вот, забывшись, ткет рука
Взамен персидского узора
Узор родного василька».

В своей любви к отчизне Багданович черпал энергию, силы и твердость духа. Так умирающий Некрасов, когда болезнь заставляла его мучительно страдать, искал помощи и облегчения своим страданиям у народа: «Я взываю к русскому народу: коли можешь, выручай!» В поэзии Багдановича часто звучит этот некрасовский призыв:

«Давно уж я хвораю телом
И хвор душой.
Надежда на тебя всецело,
Мой край родной!»

Молодой поэт, почти юноша, Багданович был одним из культурнейших белорусских писателей, выдающимся мастером поэтического слова. Он хорошо был знаком с русской классической поэзией и творчеством поэтов-символистов, оказавших на него большое влияние. Стремясь приобщить родную поэзию к европейской литературе, Багданович переводил на белорусский язык произведения Пушкина, Шевченко, Гейне, Верлена. В своем собственном творчестве Багданович дал самые разнообразные образцы поэтических форм.

Багданович умело использовал в своем творчестве поэзию белорусских народных песен. Он воспитывался в семье, где любили и знали белорусскую народную песню. И впоследствии, обратившись к неисчерпаемым сокровищам устно-поэтического творчества, поэт создал ряд талантливых произведений («Левониха», «На белорусские мотивы», «Ой, зовет труба раным-рано» и другие). В этих стихотворениях он не только бережно сохранил поэтические приемы народной поэзии, но и обогатил их.

Багданович умер накануне Великой Октябрьской социалистической революции, не дождавшись освобождения своего народа. Его творчество, даже имя поэта мало были известны русскому читателю. Только сейчас он сможет близко познакомиться со стихами Багдановича и оценить их по достоинству.

Томик стихов Багдановича хорошо переведен поэтами И. Исаковским, Б. Иониным и П. Семыкиным. Предисловие редактора сборника Е. Мозолькова коротко знакомит читателя с биографией поэта и его творчеством.

Б. ГАЛАНТЕР

БОРЬБА НА «ЧОХАХ»

Под звуки зурны на ковер выходят борцы. На них надеты рубашки-безрукавки своеобразного покроя. Это «чохи», которые служат костюмом в грузинской борьбе. Талии борцов перехвачены кушаками.

Задача борца — бросить противника на лопатки, захватив его за «чох» и пояс или руку. Если противник не упал сразу на спину, бросок считается неудачным. Борцы встают и вновь продолжают схватку, которая длится всего пять минут.

Схватки поэтому проходят в чрезвычайно быстром темпе и полны острой, захватывающей борьбы. Эту остроту состязания вызывает обилие приемов. В современной грузинской борьбе насчитывается около 80 приемов.

Разрешаются подножки, всевозможные подбивы. Особенно эффектны броски через голову («кисрули»), которые основаны на молниеносной быстроте. «Кисрули» имеют древнюю историю. О них упоминается еще в грузинских литературных памятниках средних веков.

Недавно на московском стадионе «Динамо» впервые в столице выступили лучшие мастера грузинской борьбы.

Немало захватывающих, острых схваток провели грузинские борцы между собой. Победителем оказался богатырь Мекокишвили, абсолютный чемпион Грузии по борьбе на «чохах». Ни один из противников этого прекрасно развитого атлета не мог продержаться против него больше двух минут.

Мекокишвили чаще чем другим борцам пришлось танцовать. По обычаю, победитель отвечает танцем на приветствия зрителей.

РЕКОРД, БИТЫЙ ДВАЖДЫ. Спринт — бег на короткие дистанции — законно называют эталоном легкоатлетической культуры: по стометровке как бы равняются все остальные виды легкой атлетики. Родиной лучших спринтеров считается Америка.

Последний раз рекорд на стометровой дистанции обновил Д. Оуэнс, по прозвищу «Черная пуля». Он показал совершенно исключительное время — 10,2 секунды.

Наш советский рекорд отстает от международного на пять десятых секунды. 15 июня 1929 года Тимофей Корниенко пробежал 100 метров в 10,7 секунды, и с тех пор эти секунды стали для наших спортсменов какой-то недосягаемой высотой. За 11 лет кое-кто из спринтеров повторял рекорд Корниенко, но ни одному из них не удалось улучшить его. Ныне этот застоявшийся рекорд был бит, причем бит дважды. Первым улучшил корниенковские секунды москвич Петр Головкин: он пробежал 100 метров в 10,6 секунды. В тот же день состоялся финальный забег на эту же дистанцию. На этот раз только что установленный новый рекорд был повторен уже двумя спортсменами: тем же Головкиным и Романом Синицким, представителем города Львова.

ПЛАКУЧИЕ ДЕРЕВЬЯ

Нередко в парках и садах можно видеть деревья, у которых ветви свисают вниз и придают всей кроне дерева поникший вид. Это так называемые плакучие деревья. На приложенных снимках представлены плакучие рябина и желтая акация, снятые зимою, когда на фоне снега особенно отчетливо выделяются их поникшие ветви.

В чем же причина такого ненормального роста ветвей плакучих деревьев?

Люди, мало знакомые с жизнью растений, относят плакучие формы деревьев всецело к искусству садовников, которые якобы путем особого перекручивания ветвей и направления их вниз, а также удаления главного верхушечного побега заставляют дерево принять несвойственный ему вид.

Однако такие искусственные меры никогда не могли бы надолго удержать ветви дерева в ненадлежащем для них положении и не могли бы заглушить присущее стеблю свойство расти кверху.

Если внимательно приглядеться к рябине и желтой акации (см. рис.), то на верху основного стебля, откуда шатром расходятся поникающие ветви, можно увидеть небольшое утолщение, которое указывает на место произведенной здесь прививки. Дело в том, что плакучие формы появляются иногда в природе как скачкообразные вариации. Они встречаются у многих деревьев, как например у ивы, березы, ясеня, тополя, вяза и других. То один экземпляр среди тысячи нормальных, то одна ветка на дереве обнаруживают данное отклонение. Если подобную ветвь в молодом возрасте привить на высоком стволе нормально растущего вида, то получится форма плакучего дерева.

Таким образом садовник только закрепляет путем прививки эти своеобразные природные формы.

Что касается причины возникновения плакучих форм в природе, то она до сих пор не выяснена. Некоторые ученые полагают, что свисание ветвей вызывается тяжестью листьев,

в особенности в тех случаях, когда ветви тоньше и длиннее нормальных, другие относят плакучесть к патологическим явлениям.

БЕШЕНЫЙ ОГУРЕЦ

Слыхали ль вы о растении, которое носит забавное название «бешеный огурец»? Что это за огурец и почему он заслужил столь незавидную славу?

Бешеный огурец родом из Средиземноморской области; у нас он произрастает в Крыму и на Кавказе, у берега моря, на сорных местах. Его жесткие угловатые листья, стелющийся по земле стебель и овальные плоды действительно напоминают обыкновенный огурец. Это растение относится также к семейству тыквенных. Покрытые жесткими щетинками плоды бешеного огурца достигают всего 3—4 сантиметров в длину. Название бешеного это растение получило за свою интересную способность автоматически с силой разбрасывать семена. Стоит только слегка прикоснуться к созревшим плодам бешеного огурца, как они легко отпадают от плодоножки, а из образовавшегося на месте отлома отверстия с силой выбрасывается жидкость вместе с заключающимися в ней семенами. При этом нужно остерегаться, чтобы капельки жидкости не попали в глаз, так как бешеный огурец обладает ядовитыми свойствами. Невольное удивление вызывает совершенный механизм разбрасывания семян. Сок этих плодов в Западной Европе применяется в медицине.

Чтобы вырастить в нашем климате бешеный огурец, приходится высевать его семена ранней весною в теплице и в мае высаживать молодую рассаду в грунт. В конце августа или начале сентября на растении можно обнаружить большое количество зрелых стреляющих плодиков.

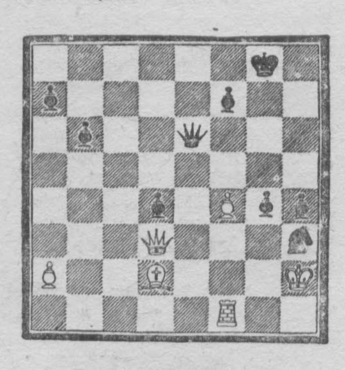
ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

МАТЧ АБРАМОВ — КАН

В чемпионате Москвы мастер Кан занял четвертое место. В турнире на первенство Ленинграда по шахматам на четвертое место вышел кандидат в мастера Абрамов. Вопрос о том, кто из них получит право участвовать в 12-м чемпионате СССР по шахматам, решался в матче из восьми партий между этими шахматистами. Уже в первой партии Кан добился выигрышного положения. Однако, успокоившись, он перестал проверять тонкие ловушки, которые расставлял его изобретательный противник, и попался в одну из них.

В этой позиции Кан (белые) сыграл:

1. Лf1 — e1? ...

Правильным ходом был

1. Ce1, что после
1. Ф : a2 +
2. Фd2 Ф : d2 +
3. С : d2

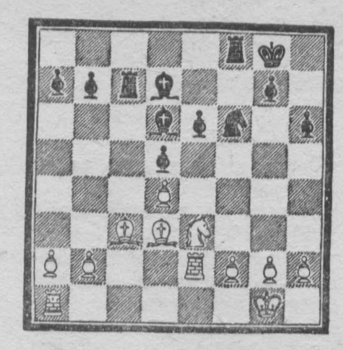
вело к интересной борьбе ладьи против пяти пешек. Борьба должна кончиться в пользу белых. На неосторожный ход белых последовало

1. ... g4—g3+
2. Kph2—g2 Фe6 : e1!

Черные отыграли ладью, ибо на 3. С : e1 следует 3. Kf4 +.

Белые остались без нескольких пешек и после короткого сопротивления сдались. Этот пример учит, как тщательно нужно следить за поверженным, но еще не побежденным противником. Неудача отразилась на дальнейшей игре Кана, а вдохновленный победой Абрамов, наоборот, уверенно провел оставшиеся партии матча, выиграл в хорошем стиле четвертую партию и остальные свел вничью. Матч закончился со счетом 5 : 3 в пользу Абрамова. Абрамов получил звание советского шахматного мастера.

Приводим окончание четвертой партии матча.

В позиции диаграммы Абрамов, играя белыми, сначала вызывает ослабление пешек королевского фланга противника и затем искусно это ослабление использует

1. g2—g3 g7—g5

Иначе после 2. f4 белые окончательно фиксировали слабость пешки e6.

2. f2—f3 Лf8—a8

Черные собираются начать движение пешек на ферзевом фланге. Однако эта попытка запаздывает.

3. Kpg1—g2 a7—a5
4. Лa1—h1 Kpg8—g7
5. h2—h4 Kf6—h5
6. Лh1—h3 Cd7—e8

Играть 6. ... e5 черные не могли хотя бы из-за 7. Cf5. Вообще защищаться от нарастающей атаки на королевском фланге черным уже трудно.

7. h4 : g5 h6 : g5
8. Ke3—g4 Ce8—f7
9. Cc3—d2 Cd6—e7
10. Kg4—e5 Cd7—e8

Единственными ходами черные до сих пор защищались от материальных потерь. Теперь следует решающий удар.

11. g3—g4! Kh5—f6?

После лучшего 11. Kf4+ 12. С : f4g : f 13. Лe1 с последующим сдвоением ладей по линии «h» белые также быстро выигрывают

12. Cd2 : g5 Kf6 : g4?

Просмотр в цейтноте, но позиция черных уже безнадежна.

13. f3 : g4 черные сдались, так как после 13. ..., С : g5 14. Лh7+ они теряют ладью.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» В. ПОКРОВСКИЙ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Хлебный злак.
8. Судьба, рок.
11. Герой-полярник.
13. Герой-полярник.
15. Нагруженная телега.
16. Женская одежда.
17. Путь, которым обычно проходят звери.
18. Книга для записей, указатель.
19. Окаменелое тутовое дерево.
20. Отход сахарной промышленности.
21. Зеркало для исследования уха.
23. Река в Африке.
24. Натуральная оспа.
27. Фамилия действующего лица из оперы «Царская невеста».
30. Сибирское название хвойного леса.
31. Знаменитый бактериолог.
33. Сорт яблок.
34. Длинная прямая сабля.
36. Баснописец.
37. Основание.
38. Композитор.
40. Латинский поэт и оратор, подражатель Овидия.
43. Приток Рейна.
44. Амплуа актера.
47. Летчик, Герой Советского Союза.
49. Крестьянское полусукно.
51. Бог ветров в древнегреческой мифологии.
52. Старинное огнестрельное оружие.
53. Прибор, определяющий скорость хода корабля.
54. Завещатель.
55. Минерал.
56. Место скрепления материи.
57. День недели.
58. Вход в глотку из полости рта.
59. Крахмал, добываемый из корней тропического растения.
62. Прибор для улавливания электрических волн.
65. Город Азиатской Турции.
66. Мягкий, очень легкий металл.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Объединение близких видов.
2. Порода собак.
3. Английский вес шерсти.
4. Город в Швейцарии.
5. Место заключения.
6. Римский народный трибун.
7. Сокращение мышц сердца.
8. Устаревший прибор для телефонирования и телеграфирования по одному проводу.
9. Корыто, в котором давят виноград.
10. Взрывчатое вещество.
11. Дымоходная труба.
12. Легкие сани для запряжки собак или оленей.
13. Рак-отшельник.
14. Теплая прослойка между лицевой материей и подкладкой.
22. Мебель.
25. Математический знак.
26. Камень, из которого высекается огонь, кремень.
28. Одежда.
29. Минерал.
31. Торговое морское судно, преследующее неприятеля.
32. Взятка.
34. Часть комнаты.
35. Геометрическая фигура.
39. Композитор.
40. Профессия.
41. Человек, изучающий растения.
42. Станция железной дороги в УССР.
44. Название журнала, издаваемого Герценом.
45. Орудие.
46. Амфитеатр в Риме.
47. Кузнечный инструмент.
48. Приток реки Одера.
49. Накладные волосы.
50. Небольшое судно.
60. Часть, доля.
61. Орган зрения.
63. Проводник.
64. Город в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ в № 27 «ОГОНЬКА».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Сиг. 4. Вуртцит. 8. Раб. 11. Карета. 12. Аноним. 14. Ратин. 15. Лад. 17. Рог. 19. Мотор. 21. Анис. 22. Мирабилит. 24. Дюна. 25. Сор. 26. Бакан. 27. Холоп. 29. Гак. 30. Кай. 32. Тор. 34. Вагон. 36. Философ. 38. Рокот. 41. Андре. 42. Егоза. 43. Самоа. 44. Бор. 46. Канат. 47. Декамерон. 48. Ладан. 51. Сон. 52. Кивер. 54. Алеко. 55. Опала. 56. Киров. 58. Нахимов. 61. Бирон. 63. Вор. 65. Лан. 66. Шок. 68. Демон. 71. Неман. 73. Мас. 75. Икар. 77. Меритерий. 78. Тире. 79. Пепел. 81. Шар. 82. Рак. 83. Катет. 84. Золото. 85. Иванов. 86. Рев. 87. Канонир. 88. Паз.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Сатир. 2. Ирис. 3. Ген. 4. Валик. 5. Редан. 6. Цюрих. 7. Тагил. 8. Ром. 9. Анод. 10. Битюг. 11. Канова. 13. Монако. 14. Рас. 16. Арани. 18. Олово. 20. Рак. 22. Май. 23. Тот. 26. Банда. 28. Порок. 30. Коновалов. 31. Локомотив. 33. Розанилин. 34. Василек. 35. Гам. 36. Фенелон. 37. Федоров. 39. Кан. 40. Татарин. 44. Бас. 45. Рен. 49. Дар. 50. Невод. 52. Кабан. 53. Вар. 57. Ирокез. 59. Агора. 60. Опера. 62. Огарев. 64. Рем. 65. Лай. 66. Шип. 67. Капор. 69. Мешок. 70. Нирен. 71. Нерон. 72. Микир. 73. Митоз. 74. Сет. 76. Реле. 78. Тана. 80. Лов. 83. Кап.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-39-02, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Изд. № 957. Техредактор А. Котельникова.

А 31687. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 22/VIII—40 г. Подписано к печати 28/IX—40 г. Зак. № 2833. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Огонек
Цена 50 коп.